

Глава III. РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В ЭПОХУ ДИРЕКТОРИИ

I

Основное классовое содержание эпохи Директории так же, как и последнего периода термидорианской реакции, составляет борьба между «новой» и «старой» буржуазией. Обеспечив себешинство в Советах пятисот и старейшин, а следовательно, и в Директории, господствовавшая в термидорианском Конвенте ственнических элементов страны, которые в силу конституции III года одни только пользовались избирательным правом. Поэтому неудивительно, что дальнейшее сохранение власти в руках «новой» буржуазии не могло быть обеспечено одними только парламентскими методами управления, и подобно тому, как восстание 13 вандемьера было попыткой «старой» буржуазии насилиственника, так впоследствии «новая» буржуазия оказывалась неоднократно вынужденной браться за оружие для сохранения своего другой стороны, борясь со все более и более начинавшей поддерживать роялистов «старой» буржуазией, «новая» буржуазия не могла в то же самое время не оглядываться и на мелкую буржуазию (что касается рабочего класса, то его после прериала была так называемая «система равновесия», т. е., попросту говоря, беспрерывные колебания Директории то направо, то налево. Само собой разумеется, что эти колебания не могли не накладывать ярчайшего отпечатка и на религиозную политику эпохи Директории, и именно поэтому эта последняя и отличается столь характерной для нее изменчивостью и пестротой.

Первые этапы религиозной политики Директории были прописаны тем же самым настроением, которое определило законы 7 вандемьера и 3 брюмера IV года и корни которого нам уже известны. Так, уже в своем обращении к французскому народу от 14 брюмера IV года Директория наряду с роялистами

предостерегала его и от происков «фанатиков, все время будоражащих народное воображение»¹. А в своей инструкции национальным комиссарам Директория около этого же времени писала:

«Фанатики! Сколько бедствий они причинили и сколько крови они пролили! Вместе с роялистами они создали Вандею и привели к установлению того господства, которое едва не погубило их самих (т. е. якобинской диктатуры. Я. М.). Едва только спаслись от Робеспьера, они захотели использовать в своих интересах памятный день 9 термидора; они дезорганизовали армию посредством интриг и дезертирства, они подогрели гнев и провоцировали личную месть; они подготовили ту страшную реакцию, которая заменила убийства судебные убийствами произвольными; они создали заговор, приведший к восстанию 13 вандемьера. Да и сейчас еще они живут потребностью и надеждой мести и пытаются возобновить свои махинации.

«Разрушьте их подлые намерения! Посредством активного, непрерывного и неустанного наблюдения помешайте их мероприятиям, затрудните их действия, окружите их вашим надзором. Пусть он беспокоит их днем и пугает их ночью; не давайте им ни минуты передышки; пусть, не видя вас, они чувствуют вас всегда и повсюду!..

«... Заставьте исполнять, хотя и строгие, но вместе с тем и необходимые законы, которые удерживают... плохих священников! Образованный плохой священник, привыкший нагло проповедывать то, во что он сам не верит, живет обманами, интригами и заговорами; он, в зависимости от обстоятельств, ловок, горд, хитер или нагл, но вместе с тем всегда спокоен и всегда вполне владеет своей физиономией и своими поступками. Плохие священники являются неизбежными, вечными, непримиримыми и вместе с тем самыми опасными врагами революции. Сильные люди их презирают, но слабые им подчиняются. Посредством разговоров об аде и рае священники ведут слабых в желательном им направлении и делают это с тем упрямым упорством, которое вызывается жаждой мести. Пусть поэтому ваши взгляды ни на минуту не отрываются от этих орудий убийства, роялизма и анархии и пусть закон, который удерживает, подавляет и подвергает ссылке неприсяжных священников, получит быстрое и полное осуществление»².

Совершенно аналогичным духом проникнут и циркуляр Директории от 23 нивоза (13 января 1796 г.) его агентам на местах, в котором Директория жалуется на склонность некоторых представителей местной администрации к чересчур либеральному толкованию законов о неприсяжных священниках. «Единственные законы, — говорится в этом циркуляре, — кото-

¹ «Монитер», т. XXVI, стр. 386.

² Там же, стр. 625—626.

рые должны применяться в отношении священников, подлежащих ссылке или заключению, это законы 1792 и 1793 гг. и в частности законы 29 и 30 вандемьера II года Республики. В этих законах их авторы отбросили всякую неуместную мягкость,ющую собна только содействовать распространению заразы, и поэтому законодатели стремились уничтожить таковую вплоть до самых ее корней¹.

Но если таким образом правительство Директории требовало в этот момент строгого и неуклонного применения законов о неприсяжных церковниках, то совершенно иначе были настроены местные власти, значительная часть которых находилась к этому времени в руках «старой» буржуазии. Типичным примером нежелания этой последней применять репрессивные законы прошлое 14 ноября 1795 г. министру внутренних дел администратора-котором «старая» буржуазия была наиболее сильна. «Мы не скроем от вас, — читаем мы в этом письме, — что невзирая на то, что мы не сомневаемся в махинациях некоторых священников, лишь строгий окрик закона заставил нас стать на путь его исполнения в отношении тех из них, которые под гарантией общественного доверия вернулись в свое местожительство и живут в среде своих семей»². А в других департаментах местные власти, не решаясь на открытое выражение своего недовольства, исподтишка всеми возможными способами просто саботировали как самый закон З брюмера, так и соответствующие предписания Директории и ее министров. Удивительно ли, что при таких условиях даже столь предубежденный историк, как де-ла-Горс, вынужден признать, что «по меньшей мере в тридцати департаментах священники нашли себе защитников и соучастников в лице муниципальной администрации»³.

Совершенно то же самое, что про муниципальную администрацию, можно сказать и про судебные власти, к этому времени также в значительной части попавшие в руки «старой» буржуазии. Если в одних местах, как, например, в департаменте Ниевры, судебные власти держат неприсяжных священников в тюрьме, но не предают их суду на том основании, что они находят существующее законодательство слишком жестоким и ожидают его смягчения⁴, то в других местах трибуналы, не действуя столь открыто, широко используют путь саботажа. Так, например, в Кантале судебные власти придираются к тому, что декрет З брюмера не был-де законным образом опубликован, а в других местах трибуналы утверждают, что этот декрет, восста-

навливая в силе законодательство 1792—1793 гг. против неприсяжных священников, не имел в виду закон 29—30 вандемьера, т. к. это мол закон не 1793 г., а II года Республики¹.

Неудивительно, что при таком отношении к декрету З брюмера со стороны как муниципальных, так и судебных властей декрет этот в подавляющей части Франции оставался мертвкой буквой, и это признает даже де-ла-Горс. «Так, в центральной Франции, — говорит он, — в Аллье, Авэроне и Индр-и-Луаре законы против священников не исполняются; в Коррез присяжные священники открыто отказываются от присяги, а в одном из кантонов департамента Ло власти вместо того, чтобы разогнать толпу фанатиков, пытающихся освободить заключенного священника, оказывают ей покровительство. О том же говорят известия из северных департаментов. Из Соммы сообщают, что закон о полиции культов открыто нарушается... Что касается востока, то особенно много сообщений поступает из департаментов Нижнего Рейна, Верхнего Рейна, Мозели, Мерты, Дубса и Верхней Сены. Из всех этих близких к границе департаментов сообщают о возвращении высланных священников, которые берутся за исполнение своих обязанностей, звонят в колокола и фанатизируют население. Сколько их? Точно этого никто не знает, но в одной из депеш из Эльзаса утверждают, что их тьма»².

Само собой разумеется, что такая полная безнаказанность могла только усилить наглость контрреволюционного духовенства, и, не говоря уже, конечно, о провинции, следы этого мы находим даже и в самом Париже. Так, например, в полицейском рапорте от 2 нивоза (23 декабря 1795 г.) мы находим указание на то, что «граждане, составляющие административную комиссию католического культа, отправляемого в церкви Сен-Мерри, заявили, что завтра, 24 декабря старого стиля, они заставят отслужить полуночную мессу — все равно, получат они на это разрешение или нет». «Бывшие серые сестры, помещающиеся по улице Пи-де-Фер, в предместьи Жермен, — читаем мы в рапорте от 29 фримера (20 декабря 1795 г.), — внушают воспитываемым ими детям сильнейшую ненависть к законодательному корпусу и Директории». А в рапорте от 6 вантоза (25 февраля 1796 г.) мы читаем:

«Священники (в частности, кюре церкви Медар) позволяют себе посещать дома, в которых имеются больные, заставляют их исповедываться и не останавливаются даже перед насилиями в отношении тех больных, которые отказываются их слушать. А сестры-госпитальницы отказывают в помощи тем, кто, по их мнению, не верит в бога или не хочет исповедаться».

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 93—94.

² Там же, стр. 97.

³ Там же, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 105.

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 104.

² Там же, стр. 110—111.

Вполне понятно, что такое положение вещей могло только усилить стремление «новой» буржуазии к борьбе с контрреволюционным духовенством. 23 нивоза (13 января 1796 г.) Директория предлагает обоим Советам предписать продажу бывших домов священников, чтобы «погасить их преступные надежды»; не пуска на то, что колокольный звон все еще не изжит и рекомендует издать новый закон по этому поводу¹. Результатом этого последнего предложения был закон, принятый Советом пятисот 19 жерминаля и одобренный Советом старейшин 22 числа того же месяца; закон этот гласил:

«Принимая во внимание, что сохранение общественного спокойствия требует лишения возмутителей возможности под предлогом отправления культа вызывать беспорядки или созывать преступные сбороища,—

«Ст. 1. Всякий человек, который, в нарушение ст. 7 закона 3 вантоза III года, станет посредством колокольного звона или каким-либо иным путем публично призывать граждан к отправлению какого-либо культа, будет в порядке исправительной полиции наказан тюремным заключением сроком от трех декад до шести месяцев, а в случае рецидива — сроком на один год.

«Ст. 2. Служители культа, которые либо сами окажутся виновными в таком призывае, либо провоцируют таковой, либо, наконец, зная, что какое-либо собрание созвано таким способом, совершают в нем какой-либо обряд культа, будут наказаны тюремным заключением сроком на один год, а в случае рецидива —

Как ни характерен этот закон для данного периода эпохи Директории, значительно большее значение имел более широкий вопрос, поставленный в порядок дня обоих Советов посланием Директории от 29 жерминаля (18 апреля 1796 г.). Касаясь в этом послании деятельности неприсяжных священников, авторы его указывают, что эти последние «являются наиболее упорными врагами конституции и наших законов. Изгнанные из Республики, они находят возможность возвратиться на ее территорию... Если не принять быстрых мер, следствием этого может быть возникновение гражданской войны»².

Результатом этого послания был доклад, сделанный 4 фло-реяля (23 апреля 1796 г.) Совету пятисот от имени специальной комиссии Дрюлем, бывшим священником и бывшим членом кон-сторонником свободы культов, Дрюль однако доказывал, что «свобода эта не может относиться к людям, которые под пред-логом культа проливают реки крови... Вы накажете священников не как таковых, а как плохих граждан, не подчиняющихся зако-нам своего отечества». В заключение своего доклада Дрюль пред-

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 116.

² «Монитор», т. XXVIII, стр. 193.

³ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 116—117.

ложил проект закона, предписывавшего всем возвратившимся во Францию неприсяжным священникам покинуть ее в течение двадцати дней; по истечении этого срока неподчинившиеся должны были рассматриваться как эмигранты.

Проект Дрюля, обсуждение которого началось в Совете пятисот 12 флореяля, вызвал в нем продолжительные и бурные прения, причем попавшие в этот Совет в результате осенних выборов 1795 г. представители «старой» буржуазии выступили, как и следовало ожидать, в качестве решительных противников предложенного законопроекта. Вот каким образом эти прения резюмируются в «Мониторе»:

«Даррак возражает против проекта Дрюля о неприсяжных священниках. Он требует отмены закона 3 брюмера, как восстанавливающего специальный класс граждан, что противоречит республиканскому режиму. Руйе рассматривает священников как наиболее опасный класс общества и поддерживает проект Дрюля. Дюбрюэль полагает, что предложенный закон принесет много вреда и ровно никакой пользы; он вносит другой проект, целью которого является допустить всех без различия священников принести клятву о подчинении законам и изгнать с территории Франции тех, кто откажется от этой присяги, возьмет ее обратно или видоизменит ее. Исключение должно быть сделано только для шестидесятилетних, которые подлежат заключению. Друэ, Бентаболь и некоторые другие члены требуют прекращения прений, что вызывает длительное волнение... Перьес (из Жера) рассматривает неприсяжных священников как наиболее упорных врагов революции и высказывает за проект Дрюля. Дюпра полагает, что этот закон может иметь печальные последствия и способен возродить гражданскую войну. Беззар настаивает на принятии проекта, который, по его словам, является не чем иным, как простой кодификацией уже существующих и подлежащих исполнению законов.

«Докладчик оглашает ст. I проекта, сохраняющую закон о ссылке в отношении всех священников, не принесших присяги, предписанной законом Учредительного собрания о гражданском устройстве духовенства. Лемерер предлагает наказывать лишь тех священников, которые отказались от присяги на верность Республике. Берлие оспаривает доводы Лемерера; он рисует священников, именем бога мира вооружающих легковерных людей и именем бога милосердия сеющих в сердцах дух мести, ненависти и бунта. Он заканчивает словами: «Вы должны выбрать между благом нескольких людей и всего отечества». Пастор ссылается на конституцию, уничтожившую касты и секты, которые ныне хотят восстановить посредством противопоставления священников прочим гражданам. Он возражает против строгости предусмотренных в отношении их наказаний и требует отклонения проекта. Заключение оратора вызывает шум и сильное волнение. Буден указывает на убийства, провоциро-

ванные неприсяжными священниками, и именем гуманности требует принятия предложенных в их отношении наказаний».

Как показывают эти прения, в то время как заседавшие в Совете пятисот представители «новой» буржуазии (бывшие пра- «болота» Буден и т. д.) и, само собой разумеется, буржуазии мелкой (Дрюэ) решительно поддерживали проект Дрюля, представители «старой» буржуазии либо его полностью отвергали (Пас- сторе), либо соглашались на репрессивные меры не против непри- отказалось принести присягу на верность Республике (Лемерер). Но так как представители «старой» буржуазии составляли в тогдашнем Совете пятисот лишь меньшинство (в состав его входили бывшие члены Конвента — жирондисты и часть «трети», избранной осенью 1795 г.), то неудивительно, что в том же засе- дании 12 флореяля проект Дрюля был принят в основном, после чего началось его постатейное обсуждение. Обсуждение это име-ло место в заседании 13 флореяля и оно следующим образом резюмируется в «Монитере»:

«Ру (из Марны) требует отмены закона 21 апреля 1793 г. о ссылке священников. Энгерран возражает против этого. Лекуант предлагает отложить вопрос. По предложению Дрюля от ссылки освобождаются священники, вступившие до 1 флореяля в брак, а равно и те, кто служил в армиях Республики после начала войны... После дальнейшей дискуссии, во время амнистии армии Конде, чем священникам, проект Дрюля прини- мается с некоторыми поправками».

За одобрением проекта Дрюля Советом пятисот должно бы- ло последовать его рассмотрение в Совете старейшин, но до того, как он был поставлен в повестке дня этого Совета, произошло одно событие, круто изменившее настроение «новой» буржуазии. Этим событиям было раскрытие заговора Бабефа, показавшее, что опасность слева еще далеко не устранена; поэтому неудивительно, что летом 1796 г. «новая» буржуазия снова резко поворачивает направо. Само собой разумеется, что такое изменение об- щей политической линии «новой» буржуазии не могло не отразиться и на ее тактике в религиозном вопросе, и блестящее дока- зательство этого факта мы находим в заседании Совета пятисот 11 фрюктидора. Во время этого заседания бывший член конвен- гского «болота» Мейнар провел резолюцию о предоставлении ин- тернированным церковникам права распоряжаться их имущес- твами, а другой бывший член «болота» Беффруа стал на точку зрения, защищавшуюся во время прений 12 флореяля Лемерером, и выразил свое негодование по поводу того, что «арестуют священников, принесших присягу на верность Республике, но отказавшихся от присяги, требовавшейся гражданским устрой- ством духовенства». Такое поведение представителей «новой

буржуазии естественно одобрило правую часть Совета пятисот и позволило изерскому депутату Дюмолару внести предложение об отправке Директории послания с запросом об имеющих место преследованиях священников. Предложение это было принято.

Резкий поворот направо в настроении «новой» буржуазии определил собой и исход обсуждения проекта Дрюля в Совете старейшин. Обсуждение это имело место 9 фрюктидора, причем наиболее резким критиком принятого Советом пятисот законо-проекта выступил виднейший вождь правого крыла Совета ста-рейшин Порталис. Вот как его речь резюмируется в «Монитере»:

«Порталис поочередно рассматривает все изданные по вопро- су о священниках законы. Он осуждает требовавшуюся от них присягу и в особенности наказания, предусмотренные в отноше- нии тех, кто отказывается присягать. Оратор утверждает, что предложенные сейчас в этом направлении меры ничем не отлича- ются от тех, которые были приняты во время террора. Он цити- рует Ж. Ж. Руссо, говорившего, что «если власть когда-нибудь попадет в руки философов, они окажутся более нетерпимыми, чем священники». «Хотим ли мы убить фанатизм? — восклицает он. Если да, то мы должны соблюдать свободу совести. Достаточ- но долго мы только разрушали, пора начать управлять!»

Краткий отчет «Монитера» не дает возможности установи- вить, были ли в Совете старейшин сделаны какие-либо возраже-ния Порталису. Факт лишь тот, что большинство этого Совета с ним согласилось, и законопроект Совета пятисот был отверг- нут в том же самом заседании Совета старейшин 9 фрюктидора.

Другим не менее важным, чем отклонение проекта Дрюля, результатом происшедшего летом и осенью 1796 г. поправления «новой» буржуазии была отмена ст. 10 декрета 3 брюмера IV года, предписывавшей, как мы знаем, восстановление всех изданных в 1792—1793 гг. законов против неприсяжных священ- ников. Чрезвычайно любопытно, что когда в заседании Совета пятисот 22 фрюктидора правые впервые заговорили об отмене закона 3 брюмера, то против этого возражали не только бывшие правые термиорианцы (Бурдон из Уазы), но и некоторые бывшие жирондисты (Анри Ларивье; другой жирондист Луве высказы- вался за отмену закона 3 брюмера). Но происшедшее на следую- щий день так называемое дело Гренельского лагеря еще больше, чем раскрытие заговора Бабефа, толкнуло «новую» буржуазию вправо, и поэтому неудивительно, что когда в заседании Совета пятисот 16 брюмера был снова поставлен в порядке дня вопрос об отмене закона 3 брюмера, то за это предложение высказался даже хорошо известный нам Мари Жозеф Шенье! При таком по-ложении вещей было вполне естественно, что Совет пятисот в том же самом заседании 16 брюмера постановил отменить ст. 10 зако- на 3 брюмера (это было утверждено Советом старейшин 14 фри- мера) и поручить своей специальной комиссии представить ему проект общего закона о священниках.

Само собой разумеется, что полная безнаказанность, со-
здавшаяся для неприсяжного духовенства вследствие отклонения
проекта Дрюля и в особенности в силу отмены закона 3 брюмера,
имела своим естественным результатом его окончательное обнаг-
ление. Положение, в котором вследствие этого оказалось при-
сяжное духовенство, было настолько критическим, что многие
члены «конституционного» духовенства не увидели для себя иного
выхода, как торжественное отречение от ранее принесенной
присяги. В одной только безансонской епархии за 1795—1797 гг.
насчитывалось свыше трехсот таких отречений¹, а роль, кото-
рую играли в этом деле неприсяжные священники, может быть
одном политическом рапорте некоему аббату Бойсу у Аженэ:
«Он пользуется исключительным успехом в деле примирения с
церковью священников-отступников. Ему удалось отвлечь от от-
ступничества большую часть священников данного дистрикта»².

Но если это положение вещей было естественным резуль-
татом того поворота направо, который был совершен «новой»
буржуазией летом и осенью 1796 г., то вместе с тем вполне
понятно, что связанное с этим необычайное усиление угрозы
дворянской контрреволюции отнюдь не могло входить в ее на-
мерения. Поэтому нисколько не удивительно, что уже 29 плю-
пятисот с предложением об ускорении принятия мер против конт-
рреволюционных священников, «этих вечных врагов отечества»,
а 11 жерминаля (31 марта 1797 г.) она предлагает министру по-
лиции усилить борьбу с таковыми³.

Но Совет пятисот совершенно не торопился с разрешением
этой проблемы, и постановка ее в порядке дня его заседаний
относится уже ко времени, последовавшему за очередными
выборами весной 1797 г. одной трети обоих Советов — выбо-
рами, которые, как известно, крайне усилили влияние правых.
В своем заседании 4 прериала Совет пятисот, по предложению
Дюмолара, постановил избрать специальную комиссию из пяти
членов «для пересмотра изданных Конвентом законов о полиции
культов и приведения их в соответствие с конституцией», при-
чем в состав этой комиссии вошли исключительно правые. При
этом правая часть Совета пятисот нисколько не скрывала того
направления, в котором она собиралась пересматривать законы
о полиции культов, и в этом смысле чрезвычайно характерно,
что в том же самом заседании 4 прериала депутат Паризо заявил,
что «было бы недостойным нас сохранить в силе законодатель-
ство, подвергающее прокрипции целый класс граждан»⁴.

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 148.

² Там же, стр. 148—149.

³ Там же, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 173.

упускала ни одного случая, чтобы проявить свое отношение к
религиозной проблеме. Так, уже 5 прериала, рассказывает «Мони-
тер», «Мадье выражает возмущение по поводу противозаконного
содержания в заключении огромной массы священников и тре-
бует отправки по этому вопросу специального послания Дирек-
тории. Это предложение поддерживается многими депутатами и,
между прочим, Дюбрюэлем, который заявляет, что в Провансе,
Бордо и Мон-Блане множество священников, невзирая на их
возраст и болезни, содержатся в тюрьмах. Предложение об от-
правке послания принимается». Когда же Директория оставила
это послание без ответа, Совет пятисот в своем заседании 25 пре-
риала постановил вторично обратиться к ней по этому поводу¹.

29 прериала Совет пятисот заслушал доклад Комиссии пятой,
сделанный правым лионским депутатом Камиллом Жорданом,
избранным в Совет во время недавних выборов. Этот доклад сле-
дующим образом резюмируется в «Монитере»:

«Ввиду того, что конституция провозгласила полную свобо-
ду культов, все ограничивающие таковую законы должны быть
упразднены... Закон, подвергающий церковников обязательству
принесения присяги, противозаконен и противоречит как букве,
так и духу конституции. Поскольку граждане свободны в отправле-
нии своего культа, должны быть разрешены и колокола, ибо они
составляют неотъемлемую часть культа, исповедуемого большин-
ством французского народа. Точно так же последователи всех
культов должны иметь право иметь свои особые кладбища. Затем
докладчик, после обширных рассуждений о свободе культов и о
способах ее гарантирования, указывает меры, могущие предупре-
дить злоупотребление этой свободой и предлагает наказания,
коим должны быть подвергнуты виновные».

Доклад Жордана составлял только часть работы комиссии
пятой. За ним должен был последовать специальный доклад
Дюбрюэля по вопросу о неприсяжных священниках, и так как
29 прериала доклад этот не был еще готов, то Совет пятисот
постановил отложить прения по докладу Жордана до заслушания
второго докладчика. Но еще до этого, а именно 6 мессидора, по-
следовал ответ Директории на послания Совета пятисот от 5 и
25 прериала. Вот что рассказывает об этом «Монитер»:

«Зачитывается ответ Директории на послание, в котором
Совет запрашивал о мотивах, в силу которых множество свя-
щенников содержатся в заключении. Директория препровождает
доклад министра полиции, перечисляющий все законы, изданные
касательно неприсяжных священников. «Эти законы, — говорит-
ся в докладе, — противоречат друг другу и, не будучи отменен-
ными, тем самым оставляют администраторов в состоянии нере-
шительности. Поэтому в то время как одни из них освобождают
священников, другие держат их в заключении. Министр закан-
чивает указанием, что результатом как различных сделанных

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 174.

предложений, так и отмены закона 3 брюмера, является повсеместное возвращение сосланных священников, разворачивающих общественный дух» (шум).

После непродолжительного обмена мнений, Совет пятисот по предложению Жордана постановил отложить прения по посланию Директории до общих прений, должноствовавших иметь место по заслушанию доклада Дюбрюэля. Этот долгожданный доклад состоялся через два дня, т. е. 8 мессидора; он следующим образом излагается в «Мониторе»:

«Дюбрюэль от имени комиссии предлагает отменить законы, устанавливающие в отношении неприсяжных священников ссылку или интернирование и провозгласить, что лица, поддавшие под действие этих законов, возвращаются отныне в класс французских граждан». Коротко и ясно!

Доклады Жордана и Дюбрюэля по вполне понятным причинам вызвали значительный интерес в широких кругах тогдашней общественности; типичный пример этого интереса мы находим в следующем рапорте парижской полиции от 30 прериала:

«Вопрос, обсуждаемый в настоящее время в Совете пятисот, является для анархистов (т. е. сторонников возвращения к якобинской диктатуре. Я. М.) источником яростных декламаций против католического культа, его служителей и против всех религий; они говорят, что в Республике не должно существовать иного культа, кроме культа морали, и что все церемонии являются результатом и проявлением фанатизма; они оскорбляют все предрассудки и высказывают свою нетерпимость непристойными выходками против служителей культа. Другие, более спокойные и беспристрастные граждане выражают в значительном числе опасения, что священники могут получить слишком большое влияние на умы, если только будет восстановлена полная свобода религиозных церемоний; они даже считают, что священники способны совершенно разложить общественное мнение, если их будут терпеть со всеми их внешними отличиями. Граждане иных убеждений, приветствующие возвращение ко всем старым обычаям, сильно надеются на то, что католический культ получит теперь всю свою прежнюю полноту, а наиболее откровенные из них прямо выводят из этого благоприятные ауспиции для восстановления монархического строя... В нескольких собравшихся на улицах группах обсуждали преимущества и недостатки закона, согласного с докладом гражданина Камилла Жордана о полиции культов. Споры при этом принимали порой довольно бурный характер и лишь осторожность нескольких приурочительно настроенных людей помешала этим страстным спорам перейти в потасовку» (курсив наш. Я. М.).

Подчеркнутые нами фразы этого рапорта позволяют чрезвычайно определенно судить об отношении различных классовых прослоек того времени к религиозной проблеме. Если представители революционной мелкой буржуазии («анархисты») попреж-

нему оставались противниками католицизма, а «старая» буржуазия («граждане, приветствующие возвращение ко всем старым обычаям»), напротив того, целиком поддерживала расширение прав католицизма, то «новая» буржуазия вполне естественно не могла не опасаться религиозной реставрации, в которой она не без основания видела первый шаг по пути реставрации политической. Шарахнувшись направо под влиянием раскрытия «заговора равных» и гренельского дела, обогатившаяся благодаря революции «новая» буржуазия вместе с тем по вполне понятным причинам не могла не бояться потери своих экономических и политических приобретений, и поэтому она довольно косо смотрела на тот резко обозначившийся к этому времени подъем монархической реакции, одним из проявлений которой были доклады Жордана и Дюбрюэля. Это с полной очевидностью сказалось во время прений по религиозному вопросу в Совете пятисот, начавшихся 20 мессидора и затянувшихся на целую неделю.

Первым в прениях 20 мессидора высказался депутат Журдан из Верхней Виенны. «Он высказывается против проекта комиссии. Он полагает, что она слишком поддалась соображениям гуманности, которые для законодателя являются иногда проявлением слабости. Он опасается, что религии, которые, по словам одного из докладчиков, могут закончить дело законодателей помимо этих последних, способы также получить и силу разрушения. Он требует сохранения закона 7 вандемьера IV года, но с заменой предписанной им декларации нижеследующей: «Я обещаю не проповедывать ни публично, ни тайно ничего противного конституции III года». Кроме того, Журдан требует поручения комиссии рассмотреть, не противоречат ли, как ему это представляется, ст. 354 конституции ст. ст. 1, 2, и 4 закона 11 прериала III года, предоставляющие коммунам здания, обычно посвященные отправлениям культа».

В противоположность Журдану, выступивший в том же самом заседании депутат Фрессенель поддерживал предложения Камилла Жордана и Дюбрюэля. «Фрессенель окидывает взглядом законодательство по вопросу о католических священниках. Направленные против них революционные законы подвергают их массовой прокрипции, смешивая в одну кучу преступление и невинность, злой умысел и ошибки. Эти законы показывают без всякой меры и пропорции, применяются без следствия и суда и приводят уважение к религии в столкновение с любовью к Республике. Причиной религиозных беспорядков является ограничение свободы культов, и поэтому оратор предлагает восстановление этой свободы во всей ее полноте.

Впрочем, религиозные костюмы и церемонии останутся запрещенными вне указанных для этого мест; равным образом не будут разрешены постоянные дотации».

Начавшиеся 20 мессидора прения продолжались и на следующий день. «Порт устанавливает, что декларация, требуемая

законом 7 вандемьера от всех служителей культов, как необходима, так и политична; поэтому он высказывается за сохранение этого закона. Лемерер рассматривает, до каких пределов могут простираться права культов, и в особенности **старинного культа наших отцов, являющегося наиболее красивой, удивительной и восхитительной системой**. Он утверждает, что провозглашенная законом защита всех культов исключает возможность придирчивых деклараций, требуемых от наилучшего из всех культов, а именно христианского. Он доказывает, что существующие законы являются несправедливыми и неконституционными и высказывается за проект комиссии.

«Бул (из Мерты) защищает свободу отправления культов, но он вместе с тем настаивает на необходимости известных предосторожностей. Отправление культов должно быть публичным, и их служители должны представить политическое исповедание веры, гарантировавшее их верность государству. «Наша конституция», — говорит он, — признает в качестве суверена совокупность французских граждан; именно поэтому многие священники отказываются от декларации, а другие берут ее обратно. Эта декларация содержит в себе отказ от надежд сторонников старого строя, а священники-бунтовщики связаны своими интересами и обещаниями с партией, враждебной новому строю. В этом и заключается весь секрет вопроса». «Чисто гражданская декларация», — продолжает Бул, — не затрагивает области религии. Он требует отклонения плана комиссии и выработки нового плана, благоприятного религии и ее служителям, морали и общественным интересам» (курсив наш. Я. М.).

Прения по религиозному вопросу, прерванные 22 мессидора, возобновились на следующий день, 23-го. «Пави (из Эра) разделяет принципы комиссии и ораторов, возвышавших свой голос в защиту свободного отправления культов и несчастных и преследуемых служителей католического культа, т. е. «того культа, — говорит он, — который огромное большинство французского народа вместе со мной называет культом наших отцов. Культа, составляющего наше единственное достояние и которым один только способен заставить забыть четыре года несчастий и кровопролития».

«Эшассерио старший спрашивает, каким образом и в силу какой привилегии, не признавая никакого культа, хотя вместе с тем подарить католическому культу церкви и дома священников? Он опасается, как бы скоро уже и самый роялизм, одевая на себя личину народности, не нашел себе сторонников, настолько наглых, что они осмелятся представлять петиции с изложением своих контрреволюционных пожеланий. «Вы, — восклицает он, — все время говорящие о религии отцов, знайте, что предрассудкам и к бредовым суевериям!» (Шум). Он высказываетя против проекта и за сохранение закона 7 вандемьера, но под условием смягчения его карательных постановлений».

«Дюбрюэль устанавливает, что разум, политичность, справедливость и гуманность сходятся на одобрении представительного комиссией проекта. Он требует, чтобы преступного священника наказывали не как священника, а как человека, нарушающего спокойствие государства. «Лишь одни тираны, — говорит он, — производят массовые проскрипции. Преследование священников было все время связано с тайными мотивами и с системами, порожденными крайностью и бредом. Думали, что удастся разрушить религию, преследуя ее служителей, уничтожая ее храмы и извращая объекты, почитавшиеся в течение свыше пятнадцати веков».

«Буасси отвергает колокола как способ созыва религиозных собраний, но высказывается за проект комиссии. Ламарк возражает против этого проекта и принципов, которые предшествующие ораторы защищали от имени бога их отцов. «Бог их отцов — говорит он, — это бог Филиппа II, Карла IX и Екатерины Медичи. Это его именем были осуществлены крестовые походы, сицилийская вечеря, драгонады и страшная варфоломеевская ночь. Нет, мы не признаем этого бога, бога их отцов, ибо их отцы были варварами, извращавшими и оскорблявшими подлинного бога, взамен которого они создали себе бога по своему собственному подобию» (курсив наш. Я. М.).

24 и 25 мессидора прения по религиозному вопросу носили сравнительно мало интересный характер, а 26 мессидора выступил один из виднейших представителей правового крыла Совета пятисот Ройе-Коллар. «Ройе-Коллар, — рассказывает «Монитер», — думает, что интересы республиканского строя требуют, чтобы религиозная свобода получила всю широту, допускаемую конституционными принципами. Он призывает своих коллег руководствоваться только справедливостью... «На кровожадные крики демагогии, призывающие к смелости, еще смелости и всегда смелости (намек на речь Дантона 2 сентября 1792 г. Я. М.), вы ответите, — восклицает он, — победным и утешительным лозунгом, отзвук которого раздается по всей Франции: справедливость, еще справедливость и всегда справедливость!»

Как с полной очевидностью показывают рассмотренные нами прения, для обоих флангов Совета пятисот, т. е. представителей «новой» и «старой» крупной буржуазии, религиозный вопрос был не чем иным, как составной частью их общей политической программы. В то время как такие видные представители «старой» буржуазии, как Лемерер, Пави и Дюбрюэль, призывали к расширению прав католической церкви и восхваляли «религию своих отцов» потому, что видели в ней наилучшую защиту «священного» права собственности, — типичный представитель «новой» буржуазии Эшассерио боролся с религиозной реставрацией именно и прежде всего потому, что видел в ней лишь первый шаг по пути реставрации политической, которая, как мы знаем, отнюдь не входила в интересы представляющей им классовой прослойки

При данном положении вещей вполне понятно, что голосование проектов Жордана и Дюбрюэля должно было до чрезвычайно обострить страсти боровшихся в Совете пятисот партий, тем более, что в результате весенних выборов 1797 г. силы их были почти равны. В заседании 27 мессидора Совет пятисот одобрил проект Дюбрюэля об упразднении всех законов против неприсяжных священников; что же касается до второго вопроса, который был поставлен на голосование — вопроса о том, следует ли требовать от священников какой-либо декларации, то после нескольких повторных голосований, Совет пятисот 28 мессидора большинством 210 против 204 голосов высказался в принципе за таковую, но с тем, что текст соответствующей формулы должен был быть дополнительно проработан в комиссии. 10 фрюктидора комиссия представила по этому вопросу доклад, в котором предлагала формулу: «Я обещаю подчиняться правительству Французской Республики», но доклад этот не был рассмотрен ввиду последовавшего через неделю переворота 18 фрюктидора.

7 фрюктидора Совет старейшин одобрил принятую Советом пятисот 27 мессидора резолюцию по докладу Дюбрюэля; окончательный текст соответствующего закона гласил:

«Ст. 1. Объявляются отмененными законы, устанавливающие наказание ссылкой или заключением в отношении церковников, от которых требовались присяга или декларации. Постановления или приговоры, осуждающие церковников как неприсяжных или антиобщественных, аннулируются, равным образом аннулируются приговоры в отношении лиц, предоставивших убежище неприсяжным священникам.

«Ст. 2. Точно так же отменяются законы, приравнивающие сосланных священников к эмигрантам.

«Ст. 3. Лица, которых касались означенные законы, восстанавливаются в пользовании всеми правами, принадлежащими французским гражданам, если только они удовлетворяют условиям, установленным конституцией для признания в качестве таковых».

Закон 7 фрюктидора, означавший полную ликвидацию всего революционного законодательства против неприсяжного духовенства, оставался в силе всего 11 дней. Испуганная обозначившимся в это время быстрым ростом роялистических настроений, «новая» буржуазия произвела 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.) государственный переворот, результатом которого было аннулирование весенних выборов по 49 департаментам, где прошли роялисты, и ссылка двух директоров (Карно и Бартелеми) и 65 депутатов. Одновременно с этим принятый обоими Советами 19 фрюктидора закон содержал ст. 23—26, которые гласили:

«Ст. 23. Отменяется закон 7 числа сего месяца, возвращающий сосланных священников.

«Ст. 24. Исполнительной Директории предоставляется право ссылать, в силу мотивированных индивидуальных постановлений,

священников, которые станут нарушать общественное спокойствие внутри страны.

«Ст. 25. Закон 7 вандемьера IV года о полиции культов будет продолжать применяться в отношении церковников, коим будет разрешено остаться на территории Республики, с тем лишь изменением, что взамен декларации, предписанной ст. 6 означенного закона, они будут обязаны привести присягу в ненависти к королевской власти и анархии и в привязанности и верности Республике и конституции III года.

«Ст. 26. Всякий администратор, чиновник судебной полиции, общественный обвинитель, судья, комиссар исполнительной власти, офицер или член национальной жандармерии, который в пределах своих полномочий не будет пунктуальнейшим образом выполнять содержащихся выше постановлений об эмигрантах или служителях культов, или который будет препятствовать их исполнению, будет наказан двумя годами каторги. Исполнительной Директории разрешается отдать все необходимые в связи с этим приказы об аресте».

Легко убедиться, что положение, созданное для духовенства законом 19 фрюктидора, означало резкое ухудшение его положения по сравнению не только с тем, которое было создано к осени 1797 г., но даже и с тем, которое существовало к концу термидорианской реакции. В самом деле, не говоря уже о том, что ст. 24 закона 19 фрюктидора предоставляла Директории право ссылки не только неприсяжных, но равным образом и присяжных священников¹, требовавшаяся ст. 25 этого закона присяга была несравненно более неприемлемой для реакционного духовенства, чем та декларация, о которой говорил закон 7 вандемьера. Поэтому неудивительно, что оставшиеся в обоих Советах представители «старой» буржуазии уже очень скоро сделали попытку изменения закона 19 фрюктидора, и именно к этой цели был направлен законопроект о полиции культов, оглашенный Шолле в заседании Совета пятисот 14 фримера (4 декабря 1797 г.). Согласно этому проекту к принесению предусмотренной законом 19 фрюктидора присяги, отказ от которой влек за собой секвестр имущества и обязанность покинуть Францию, должны были быть допущены все без исключения церковники. Тем самым принесение неприсяжным священником предусмотренной законом 19 фрюктидора присяги должно было иметь своим результатом амнистию всех его прошлых деяний, а отказ от этой присяги, хотя и влек за собой указанные выше последствия, влечет одинаково как для неприсяжных, так и для присяжных, священников.

¹ Причиной введения в закон 19 фрюктидора этого пункта было обнаружившееся к этому времени резко отрицательное отношение к правительству Директории со стороны большинства «конституционного» духовенства. Речь об этом будет дальше.

Вполне понятно, что проект Шоллэ, одна из статей которого помимо всего прочего говорила об отмене всего предыдущего законодательства о церковниках, должен был быть принят в штыки победившей 18 фрюктидора «новой» буржуазией. Поэтому неудивительно, что после ожесточенных прений в заседаниях Совета пятисот 13 и 23 нивоза, проект этот был тогда же (23 нивоза — 12 января 1798 г.) отклонен. А изданный 19 мессидора (7 июля 1798 г.) закон предписывал произвести в течение месячного срока повальные обыски, целью которых являлось обнаружение «возвратившихся эмигрантов, английских агентов; сосланных и возвратившихся, а равно и подлежащих ссылке священников; вождей шуанов, бандитов... и убийц».

Обращаясь теперь к практике применения постановлений о церковниках, содержащихся в законе 19 фрюктидора, мы должны констатировать, что практика эта была довольно широкой. Не говоря уже о значительном количестве смертных приговоров в отношении неприсяжных священников, основанных на законах 1792—1793 гг., Директория широко использовала и предоставленное ей законом 19 фрюктидора право ссылки. Так, по подсчетам де-ла-Горса, в департаменте Вогезов за один только вандемьер VI года было сослано 49 церковников, а в Савое в следующем месяце их было сослано 77 человек¹. Всего же на основании закона 19 фрюктидора было сослано 1.657 церковников². Однако превестно, обнаружившийся в стране весной 1798 г. рост левых настроений привел «новую» буржуазию, а следовательно и правительство Директории, к новому поправлению, результатом которого был переворот 20 флореяля (9 мая 1798 г.), лишивший их полномочий до 60 только что избранных демократических депутатов.

Само собой разумеется, что это поправление «новой» буржуазии не могло не сказаться и на ее религиозной политике. Это было очевидно отразилось на судьбе представленного в заседании Совета пятисот 21 брюмера VII года (11 ноября 1798 г.) доклада Брио, предлагавшего приравнять неподчинившихся приказу о ссылке священников к эмигрантам. «Необходимо, — говорил Брио в обосновании предложенного им проекта декрета, — чтобы эти вечные враги наших законов и нашего спокойствия узнали, что если они осмелятся остаться на нашей территории или возвратиться на таковую, то их ожидает смерть».

Обсуждение проекта Брио имело место лишь через полтора месяца после его представления, а именно 7 нивоза (27 декабря 1798 г.), причем сразу же выяснилось, что огромное большинство Совета пятисот настроено к нему резко отрицательно. «Достойно ли, — с пафосом воскликнул депутат Рувель, — великого, свобод-

¹ Де-ла-Горс, цит. соч., т. IV, стр. 244.

² Олар, «Политическая история Французской Революции», стр. 453.

ного и победоносного народа наносить резкие удары и применять инквизиторские меры, обнаруживающие лишь слабость, бессилие и страх правителей? Что касается меня, то я громогласно объявляю, что если подобный проект будет принят, я не знаю в своем департаменте ни одного должностного лица, который согласится его применить». В таком же духе высказывались и другие ораторы, и поэтому неудивительно, что проект Брио был передан Советом пятисот в комиссию, где он и был похоронен.

Однако, как известно, начавшееся весной 1798 г. поправление «новой» буржуазии было прервано той грозной опасностью, которая возникла для Франции весной и летом 1799 г. в связи с победоносным наступлением Суворова. Это имело своим естественным следствием новое полевение испугавшейся, казавшегося тогда близким восстановления Бурбонов «новой» буржуазии, и результатом его был переворот 30 прериала, удаливший из Директории двух ее членов. Как всегда, это полевение сказалось и в области религиозной политики. Типичным примером этого факта может служить закон 24 мессидора VII года (12 июля 1799 г.) о заложниках, устанавливавший между прочим особую награду всем лицам, обнаружившим возвратившегося из ссылки или подлежащего таковой церковника.

Другим, наряду с законом о заложниках, примером позиции, занятой в это время «новой» буржуазией в области религиозного вопроса, может служить судьба предложения, сделанного Совету пятисот в докладе Франсэ из Нанта, выступившего 3 мессидора (21 июня 1799 г.) от имени так называемой комиссии одиннадцати. Наряду с рядом других мероприятий Франсэ предлагал ограничить право высылки церковников, предоставленное Директории декретом 19 фрюктидора, одними только церковниками неприсяжными. Предложение это, рассматривавшееся в Совете пятисот 8 и 9 мессидора, вызвало там довольно бурные прения, следующим образом резюмируемые «Монитором»:

«Булье (из Мерты) высказывает свое мнение о культурах; он хочет, чтобы ни один из них не преследовался; что касается неприсяжных священников, то он заявляет, что рассматривает их не как священников, а как бунтовщиков. Он заканчивает фразой: «Я считаю, что ловкий узурпатор, даже с незначительными силами, значительно увеличил бы количество своих сторонников, гарантировав свободу культов...»

«Деш (из Лилля) считает неполитичной всякую дискуссию о священниках, которых он рассматривает как непримиримых противников Республики. Он предлагает сохранить за Директорией право высылать всех священников-бунтовщиков, если только они не состоят в браке или не отказались от своей профессии. Сулье предлагает распространить эту меру на служителей всех культов. Бертран (из Кальвадоса) скорбит по поводу этой дискуссии и предлагает передать вопрос в комиссию. Бергас-Лазиуль предполагает сохранить рассматриваемую

статью, которую он считает вполне согласной с конституцией и которая ограничивает ссылку одними неприсяжными священниками-возмутителями. Киро поддерживает это мнение соображениями общественного порядка. Статья сохраняется.

Но если таким образом Совет пятисот и принял незначительнее все же не получило силы закона, ибо Совет старейшин в своем заседании 28 мессидора признал, что предложение это «противоречит закону 19 фрюктидора и общественным интересам». Поэтому законопроект был отклонен, и таким образом к моменту переворота 18 брюмера закон 19 фрюктидора сохранил всю свою силу.

II

Ознакомившись с законодательством о церковниках, державшим во Франции в эпоху Директории, мы должны теперь перейти к изучению того положения, в котором католическая церковь находилась в это время на практике. И первое, что следует в этом отношении сказать, это то, что, невзирая на суровое законодательство против неприсяжного духовенства, неприсяжная (или как ее в это время часто называли «папистская») католическая церковь в эту эпоху не только существовала, но и процветала и играла роль, несравненно более важную, чем церковь «конституционная». И если в некоторые периоды эпохи Директории (например, после 18 фрюктидора) законы против неприсяжных священников применялись довольно широко, то мы уже видели, что бывали также и такие промежутки времени, когда все это законодательство было не более, чем мертвой буквой. Да кроме того под удар направленных против неприсяжного духовенства законов подпадали, как мы знаем, далеко не все без исключения представители такового, и поэтому неподчинившимися во Францию ранее сосланниками было не мало и таких неприсяжных священников, которые жили и работали вполне легально.

Впрочем, говоря о неприсяжном духовенстве эпохи Директории, следует иметь в виду, что духовенство это уже не представляло единого целого. Если, как нам в свое время приходилось говорить, та присяга, которая требовалась от католического духовенства в силу декрета 27 ноября 1790 г., была понята как присяга на верность закону о гражданском устройстве духовенства и в силу этого была явным образом несовместима с каноническими правилами католизма, то в отношении тех клятв и деклараций, которые требовались от духовенства законодательством эпохи термидорианской реакции и Директории, дело обстояло совершенно иначе. Требовавшиеся в это время от церковников заявления должны были иметь исключительно политический характер, ни с какой стороны не связанный с вопросами церковной организации и иерархии. Руководствуясь заповедью

об отдавании «цесарева — цесарю», католическое духовенство не имело никаких оснований отказываться от требовавшихся от него в 1795—1799 гг. клятв и деклараций, и поэтому неудивительно, что значительная часть неприсяжных церковников отказалась в это время от своей прежней непримиримости и подчинилась всему тому, что требовалось соответствующими статьями действовавшего тогда законодательства. Однако, наряду с такими церковниками, получившими прозвище «подчинившихся», оказалось не мало и таких, которые отказались это сделать и предпочли лучше потерять право на легальное отправление своих обязанностей, чем идти на видимость примирения с революцией. Таких священников называли в это время «неподчинившимися» и число их, хотя и не может быть точно определено, было, однако, весьма значительно.

Соображения, которыми руководились обе эти категории священников, очень хорошо выяснены Матьезом в его статье «Частный и публичный культ при первом отделении церкви от государства». «Неподчинившиеся», — говорит он, — которые не отделяли дела церкви от дела монархии, видели в отказе от публичного культа и в переходе к культу частному (т. е. подпольному). Я. М.) прекрасное средство борьбы за желанную реставрацию. Посредством упразднения публичного культа они надеялись посеять среди оставшегося верующим населения негодование, необходимое для низвержения Республики. Рискуя ради достижения этой цели всем своим положением, они надеялись лишь на насильственный переворот. В своих подпольных молельнях они в согласии со своими вождями (т. е. эмигрантами. Я. М.) подготовляли контрреволюцию. Как правильно отмечал проницательный Эмери (вождь «подчинившихся». Я. М.), частный кult был для них не целью, а средством.

«Подчинившиеся, хотя и более привязанные к религии, чем к монахии, но все же остававшиеся тем не менее твердыми роялистами, противопоставляли этой экстремистской тактике свой осторожный оппортунизм. Они шли к той же самой цели, но совершиенно иным путем. Они ожидали реставрации не от восстания, возможность которого казалась им весьма проблематичной, а от осторожной борьбы и медленной трансформации общественного мнения. Они надеялись перетянуть на свою сторону большинство нации, причем достигнуть этого они стремились не посредством насилия и лишения таинств, а, напротив того, привлекая людей на свои службы, чтобы там их уговаривать и обрабатывать. При этих условиях очевидно, что публичный кult был нужен им во что бы то ни стало»¹.

Тактические разногласия, разделившие в эпоху термидорианской реакции и Директории единое, прежде неприсяжное духовенство на «подчинившихся» и «неподчинившихся», имели место не

¹ Mathiez, «La Révolution et l'Eglise», стр. 231—232.

только среди его низов, но разным образом и на верхах. Не говоря уже о скрывающихся во Франции неприсяжных епископах, даже прелатов-эмигрантов нашлось не мало таких, которых рекомендовали своим младшим товарищам подчинение законам Республики. Именно так поступили бывший парижский архиепископ де-Жюинье и бывшие архиепископы экзкий и бордосский шалонский епископ Клермон-Тоннерр не только рекомендовав также и епископы диньский, тройский и другие. А бывший неприсяжным священником своей бывшей епархии подчинение, но и прямо предписывал таковое¹.

Мы уже говорили, что число как «подчинившихся», так и «неподчинившихся» неприсяжных священников не может быть точно определено. Однако нет никакого сомнения, что число и тех и других было довольно значительным, и поэтому в эпоху Директории неприсяжный католический культ совершился в двух формах: подпольной или частной, отправляемой «неподчинившимся» священниками и публичной или легальной, отправляемой священниками «подчинившимися».

«Неподчинившиеся» священники составляли компактную подпольную организацию, обладавшую не только прочной внутренности. В этом отношении исключительно любопытно наставление «неподчинившимся» священникам, разработанное в лионской епархии, но широко применявшееся также и в других областях Франции. В наставлении этом между прочим говорилось:

«Вы не должны иметь при себе ни евангелий, ни бумаг, ни чего-либо вообще, могущего позволить заподозрить клирика. Вы без необходимости не должны сообщать своего имени; вы не должны указывать откуда и куда вы направляетесь. Если это покажется вам целесообразным, вы можете выдавать себя за мелких ярмарочных торговцев или ищущих заработка рабочих. Вы будете стараться иметь заранее сведения о существующих в том или ином приходе безопасных помещениях. Вы должны передвигаться лишь ночью и лишь по безлюдным тропинкам. Вы будете останавливаться предпочтительно в домах бедняков и в случае необходимости можете ночевать на сеновалах, не предупреждая об этом их хозяев, дабы их таким образом не компрометировать. Вы будете оставаться у одра больных лишь время, строго необходимое для того, чтобы их причастить»².

Само собой разумеется, что такая подпольная деятельность «неподчинившихся» церковников могла иметь место лишь при условии их тесных связей с местным населением. Вот что рассказывает по этому поводу один церковный историк лионского прихода в эпоху Революции:

¹ Mathieu, «Contributions à l'histoire religieuse de la Révolution Française», стр. 239—240.
² Матье, «Революция и церковь», стр. 236.

«Для того чтобы верующие не могли подвергнуться обману со стороны готовых использовать их легковерие авантюристов, начальникам деревень каждой местности поручалось удостоверяться в личности священников, являвшихся для отправления культа и даже для совершения служб в тайных сраториях. Каждый священник должен был иметь при себе тайный опознавательный знак, при помощи которого он мог быть легко узнан начальником деревни»¹.

Подпольная организация «неподчинившихся» священников была настолько совершенной, что, не ограничиваясь простым управлением своих обязанностей, они заботились и о пополнении своих кадров, с каковой целью открывались подпольные духовные семинарии. Такая семинария существовала, например, в Лионе, где учащиеся, закончив курс, тайно переправлялись затем через границу, чтобы получить посвящение от епископов-эмигрантов! Само собой разумеется, что такая семинария могла существовать только под условием деятельной поддержки со стороны верующего светского населения, и один церковный историк Лиона рассказывает, что «тридцать домов раскрыли свои двери для дневного пребывания молодых богословов. Эти последние каждое утро отправлялись в заранее указанное им место, работали там в течение всего дня и покидали дом лишь вечером. Точно так же поступали и преподаватели; по ночам они отправлялись в дом, назначенный для занятий следующего дня, а в следующую ночь они перебирались в другое место. Таким образом в каждом доме занятия проходили один раз в месяц»².

На какие же средства существовало это подпольное «неподчинившееся» духовенство? Наряду с платой за требы, широко распространены были и добровольные подарки со стороны верующих, при чем, получив то или иное натуральное подношение от крестьян (сыр, яйца и т. п.), попы сплошь и рядом продавали его затем на рынке по спекулятивным ценам! А в некоторых местностях (Нижней Луаре, Самбр-и-Мезе и других) дело дошло до того, что была восстановлена дореволюционная десятина и, по словам одного документа того времени, «были избраны церковные старосты, собиравшие десятину наподобие того, как это делалось до революции. Некоторые земледельцы против этого протестовали, но простая осторожность вынудила их скоро смириться»³.

Для того чтобы заставить верующих охотнее раскошелиться, «неподчинившиеся» попы широко пользовались всеми применяемыми в подобных случаях способами и в частности, конечно, «чудесами». Особенно большое распространение получило якобы найденное в одной церкви в Лангдоке «письмо Иисуса Христа», в котором автор грозил адскими муками всем верующим, недостаточно ретиво исполняющим предписания их духовных пастырей.

¹ Матье, «Революция и церковь», стр. 237—238.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 243—244.

А в письме министру полиции, написанном министром юстиции 16 вантоза IV года, мы читаем:

«Спешу уведомить вас, дорогой коллега, что в коммуне Сен-девочка проживающая у своего отца по фамилии Бутри девятилетняя верные сельские жители полагают, что она одухотворена самим Богом и массами отправляются слушать ее пророчества.

«Из сведений, собранных комиссаром исполнительной власти при уголовном и гражданском трибуналах департамента Аллье, явствует, что юная Бутри предсказывает резню всех патриотов. Из этого вытекает призыв к восстанию, результатом которого, если не положить этому предела, может явиться возникновение гражданской войны» (курсив наш. Я. М.)¹.

Уже подчеркнутые нами слова показывают открыто контрреволюционный характер всей деятельности «неподчинившихся» священников и их сторонников. И действительно, как констатировала Матье, священники эти «фанатизировали население, подвергали проклятию приобретателей национальных имуществ, вносили путаницу в акты гражданского состояния граждан, запрещали занимать общественные должности и почти открыто призывали к низвержению республики»².

В противоположность «неподчинившимся» и, следовательно, скрывавшимся в подполье священникам, работа легально действующих «подчинившихся» попов носила *не открыто, а скрыто* контрреволюционный характер. Блестящим доказательством этого может служить составленное в эпоху Директории «Руководство для миссионеров или исследование о поведении, которого должны придерживаться священники, работающие над восстановлением религии во Франции». Вот что мы там между прочим читаем:

«Мы должны стараться избегать возбуждения против нас недовольства должностных лиц. Поэтому мы должны воздерживаться от осуждения их поведения как в частной, так и в общественной жизни даже в тех случаях, когда оно представляется нам противным порядку и справедливости... Мы не только решительно воздержимся от критики правительства и действующих законов, но вообще будем избегать всяких разговоров на политические темы... Особенно важно хранить полное молчание касательно преследований, коим мы подвергались, а равно и нашего сопротивления таковым... Подобные разговоры могут лишь возбуждать споры и распри и поддерживать ненависть и неприязнь, которые следует как можно скорее заглушить»³.

Однако, невзирая на эти громкие слова, «Руководство» не оставляет никакого сомнения в том, что эти кажущиеся терпимость и прощение обид были нужны «подчинившемуся» духовенству

¹ Матье, «Революция и церковь», стр. 241—242.

² Там же, стр. 241.

³ Aulard, *Etudes et leçons sur la Révolution Française*, вып. II,

стр. 174—175.

исключительно лишь для того, чтобы под их прикрытием более удобно и безболезненно вести свою контрреволюционную пропаганду. Не ограничиваясь предписанием требовать покаяния от всех разведенных или пользовавшихся ранее услугами присяжных священников, «Руководство» категорически настаивает на том, что священники должны указывать всем верующим на греховность приобретения ими национальных имуществ. В этом отношении какое бы то ни было диктуемое осторожностью двусмысленное молчание было бы совершенно неуместным. «Было бы преступлением держать верующих в неведении или ложном ослеплении касательно их грехов... или успокаивать их нашим неуместным молчанием». Однако соответствующая разъяснительная работа должна вестись осторожно и постепенно. Не следует заговаривать на эту тему самим, а нужно предоставить инициативу вопроса верующим. Когда такой вопрос будет задан, «следует особенно остерегаться того, чтобы сразу же заявлять, что приобретатели национальных имуществ виновны в гнусном святотатстве и что они не могут быть прощены без предварительной полной реституции. Наоборот, мы начнем с указания на то, что когда наступят более спокойные времена, будут приняты меры для успокоения их совести и для узаконения того, что было сделано ими вопреки правил во время скуты. Мы укажем, что, пока что, они могут сохранить имущества, которыми они владеют, тем более, что сейчас невозможно их возвращение церкви. Однако они должны признать, что плохо поступили, приобретая национальные имущества» (курсив наш. Я. М.)⁴.

Как ясно показывает подчеркнутая фраза, относительная умеренность «подчинившегося» духовенства в вопросе о национальных имуществах объясняется не чем иным, как здравой оценкой того факта, что в данный момент, когда духовенство еще не представляло признанной законом корпорации, возвращение церкви ее недвижимых имуществ было практически неосуществимым. Поэтому неудивительно, что «Руководство» рекомендует священникам советовать приобретателям национальных имуществ пока что, в ожидании возможности возвращения таковых церкви в натуре, искупать свой грех подношением духовенству денег или каких-либо ценностей. А в случае отказа от этого, и особенно тогда, когда разговор шел во время причащения перед смертью, священники должны были уже напрямик заявить, что такое поведение повлечет за собой отлучение верующего от церкви и, следовательно, обречение его души на вечные адские муки⁵.

Итак, невзирая на всю осторожность и увертливость рекомендуемой им тактики, разбираемое нами «Руководство» не оставляет никакого сомнения в том, что конечная цель «подчинившегося» неприсяжного духовенства была та же самая, что и

¹ Aulard, «Etudes et leçons sur la Révolution Française», вып. II, стр. 176.

² Там же, стр. 177—178.

духовенства «неподчинившегося» и что вся разница между ними заключалась исключительно только в тактике, но отнюдь не в программе. А между тем влияние духовенства обеих этих категорий на население в то время росло, что называется, не по дням, а по часам!

Чрезвычайно яркое доказательство все возрастающего влияния неприсяжного духовенства в эпоху Директории мы находим в уже неоднократно цитировавшихся нами парижских полицейских рапортах. Так, в рапорте от 1 мессидора V года (19 июня 1797 г.) мы читаем:

«Церкви, и особенно церкви, в которых служат неприсяжные священники, все время переполнены. Особенно велико в них количество женщин, а также и детей. Сборы в этих церквях дают все время обильный результат» (курсив наш. Я. М.).

На такое же точно явление указывает и донесение от 19 апреля VI года (7 июня 1798 г.):

«Фанатизм делает исподтишка заметные успехи. Все расгущая посещаемость католических церквей (посещаемость эта в последнее время столь велика, что существующих церквей оказывается недостаточно, и во многих церквях имеют место обмороки, вызываемые давкой и жарой), торжествующий вид священников и нескрываемая ими радость по поводу того, что их религия все еще оказывает большое влияние на наши нравы и обычаи, — являются для установления господства католического культа».

К этим полицейским донесениям непосредственно примыкает и следующее место из отчета, представленного министру полиции комиссаром Директории при департаменте Сены касательно положения этого департамента в VI году Республики:

«Последователями папистского культа являются фанатики, особенно женщины, и вообще все люди, жалеющие о старом режиме. Служителями его являются священники, не присягнувшие согласно предписаниям закона о гражданском устройстве духовенства, потому ли, что они не были к этому обязаны, потому ли, что они отказались от этой присяги или тайно отреклись от таковой. Люди эти крайне опасны и требуют особенно бдительного надзора. От времени до времени полиции удается обнаружить подобных священников, публично возносящих молитвы за короля и королеву или пытающихся поселить в легковерные и слабые умы дух непослушания и мятежа. Их арестовывают, и это оказывает на кое-кого отрезвляющее действие. Однако проникнуть в их тайну чрезвычайно трудно и их обнаруживают лишь их многочисленные последователи. Все богомольцы, посещавшие ранее оратории, обслуживаемые неприсяжными священниками, с момента закрытия таковых нагрянули на некоторые церкви. Из этого можно заключить, что эти церкви обслуживаются такими же священниками»¹.

Если подобное положение вещей имело место в самом Париже, то легко себе представить, что должно было происходить в медвежьих углах провинции. Поэтому трудно не согласиться с Оларом, по словам которого «нет никакого сомнения в том, что преданные Риму католики составляли большинство страны и в частности сельских и рабочих масс. Все свидетельства современников сходятся на признании огромного числа последователей этого культа. Этот факт неоспорим и никем не оспаривается»¹.

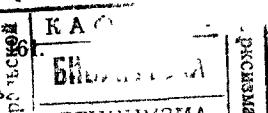
Само собой разумеется, что, не говоря уже о мелкой буржуазии, и «новая» крупная буржуазия, отнюдь не желавшая восстановления старого порядка, не могла спокойно созерцать этот рост влияния неприсяжной католической церкви, в программе своих требований открыто выставившей лозунг о возвращении к дореволюционному положению вещей. Что же противопоставила «новая» буржуазия этой неприсяжной церкви и каким способом думала она бороться с ее усилившимся с каждым днем влиянием?

Было бы вполне естественным предположить, что подобно тому, как в 1791—1792 гг. крупная буржуазия пыталась противопоставить контрреволюционной неприсяжной церкви созданную ею и верную ей церковь «конституционную», так и теперь эта последняя должна была послужить тем орудием, которое удобнее всего могло быть использовано сторонниками Директории и конституции III года в их борьбе с «подчинившимися» и особенно с «неподчинившимися» церковниками. Но на самом деле этого не случилось, и присяжная церковь не только не пришла на помощь «новой» буржуазии в ее борьбе с контрреволюционным неприсяжным духовенством, но и напротив того, заняла в это время позицию, довольно дружественную в отношении ее старого врага и конкурента.

Мы в свое время видели, что установление в 1795 г. принципа свободы культов было сразу же использовано епископом Грегуаром и прочими вождями присяжной церкви в целях восстановления того видного положения, которое эта церковь занимала в 1791—1792 гг. Однако все предпринятые Грегуаром и его сотрудниками в этом направлении шаги (создание руководящего «конституционной» церковью комитета, созыв в августе 1797 г. церковного собора и т. д.) никаких результатов не дали и присяжной церкви так и не удалось восстановить своего былого положения. Основной причиной этого было, само собой разумеется, то обстоятельство, что весь смысл существования в 1791—1792 гг. присяжной церкви заключался в том, что она была церковью, единственно признаваемой и оплачиваемой государством. С того момента, как в 1795 г. Французская Республика провозгласила отделение церкви от государства, «конституционная» церковь тем самым потеряла все свои прежние прерогативы; а так как тех глубоких корней среди религиозного населения, которым была обязана своей силой

¹ Олар, цит. соч., вып. II, стр.

т. IV, стр. 731.

неприсяжная церковь, церковь присяжная никогда не имела, то вполне понятно, что прекращение поддержки ее государством означало ее неизбежный упадок и деградацию.

Наряду с этой основной причиной печального положения «конституционной» церкви в эпоху термидорианской реакции и Директории не малое значение имело еще и численное ослабление ее рядов в результате многочисленных отречений церковников в 1793—1794 гг. «Я предвижу, — писал в это время авайронский епископ Дебертье, — что в скором времени в моем распоряжении останется не более 50 священников»¹; такое же положение существовало и во многих других епархиях.

Естественным результатом прекращения государственной поддержки присяжной церкви явилось ее исключительно тяжелое материальное положение. Если неприсяжная церковь, как мы видели, могла легко существовать за счет в той или иной мере «добровольных» подношений со стороны верующих, то несравненно менее связанные с массами² церковь «конституционная» этого источника существования иметь не могла. Достаточно яркой иллюстрацией в этом отношении может служить хотя бы тот факт, что в крупном городе Безансоне в день посвящения новою епископа Демандра присяжные попы собрали всего на-всего 12 ливров 19 су!³. При таком положении вещей неудивительно, что представители «конституционного» духовенства в течение всей эпохи термидорианской реакции и Директории неизменно жалуются на свое затруднительное материальное положение. «Мои несчастные священники и я, — пишет 30 октября 1795 г. Грегуару «конституционный» епископ Лекоз, — вынуждены, чтобы иметь возможность существовать, продавать свое жалкое тряпье». А через год, 14 сентября 1796 г., Лекоз в новом письме к тому же Грегуару сообщает, что он вынужден ограничиваться самой скучной пищей, которая иногда состоит из сухого хлеба и воды⁴.

Вполне понятно, что при таком положении вещей многие присяжные попы были вынуждены искать себе подсобных заработков, и многие из них учителяствовали или занимали различные административные должности. А когда в 1797 г. состоялся церковный собор, то некоторые делегаты не могли попасть на таковой из-за отсутствия денег на путевые расходы. Так, например, констанцкий епископ, мотивируя свою неявку на собор, писал, что «я слишком стар, чтобы идти пешком, и слишком беден, чтобы ехать в экипаже»⁵.

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 300.

² «Мое стадо, — писал в изучаемую нами эпоху тулузский «конституционный» епископ, — исчерпывается восемью или десятью добрыми христианами из города и деревни» Де-ла-Горс, т. IV, стр. 300—301.

³ Там же, стр. 313.

⁴ Матье, цит. соч., стр. 255.

⁵ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 314.

Неудивительно, что, наблюдая рядом с таким полным упадком положения «конституционной» церкви необычайное процветание церкви неприсяжной, многие присяжные священники начинают подумывать о необходимости ликвидации церковного раскола и воссоединения обоих направлений католического культа. Сначала робкие призывы в этом направлении делаются с каждым днем все более и более смелыми и в течение 1796 и 1797 гг. мы встречаем уже довольно значительное число проектов воссоединения присяжной и неприсяжной церквей. А церковный собор 1797 г. обращается к неприсяжному духовенству с прямым приглашением о забвении прежних распрея и под названием «декрета о примирении» вырабатывает целый проект ликвидации церковного раскола. Согласно этому проекту в тех епархиях или приходах, где налицо имелся один только епископ или кюре, все равно присяжный или нет, он должен был и впредь продолжать исполнение своих обязанностей, там же, где таких было двое, занять штатную должность должен был старший по стажу, а младший должен был быть назначен его преемником. Римский папа признавался в качестве видимого главы церкви, но право выбора епископов и священников должно было принадлежать духовенству и верующим, причем избранные кандидаты были обязаны принести требуемую законом присягу. И если план этот не был проведен в жизнь и так и остался на бумаге, то причиной тому было не столько отсутствие доброго желания со стороны «конституционного» духовенства, сколько категорический отказ Рима, не желавшего и слышать о выборности епископов и кюре.

При таком настроении присяжного духовенства вполне понятно, что существовавшие в начале Директории относительно дружественные отношения между ним и правительственные властями должны были с каждым днем делаться все хуже и хуже. И действительно, во многих официальных документах этого времени мы встречаем указание на то, что «присяжные священники ничем не лучше священников неприсяжных». Типичным примером в этом отношении может служить хотя бы следующий абзац из уже цитированного нами отчета комиссара Директории при лепартаменте Сены.

«Я полагаю, что соображения целесообразности диктуют правительству необходимость терпимости (в отношении тех неприсяжных священников, которые не замечены в какой-либо контрреволюционной пропаганде. Я. М.), дабы таким путем ослабить влияние так называемых «конституционных» священников, которые, в конце-концов, ничем не лучше священников неприсяжных. В настоящее время «конституционные» священники заняты избранием епископов, этим путем они пытаются возродить церковную иерархию, бывшую некогда столь могущественной и гибельной для свободы. Стоит им только дать волю, и они немедленно подведут нас под свое ярмо. Они отнюдь не менее нетерпимы, чем их противники паписты, и большая часть их делает вид, что под-

чиняется законам лишь из хитрости или честолюбия... Нет никакой надежды превратить их в республиканцев; они ведь останутся священниками, а даже самый лучший священник ничего не стоит» (курсив наш. Я. М.).

При таком настроении присяжного духовенства в эпоху термидорианской реакции и Директории, само собой разумеется, что не могло быть и речи о возможности для «новой» буржуазии в ее борьбе с неприсяжной церковью опереться на церковь «конституционную». А так как, с другой стороны, «новая» буржуазия как буржуазия крупная не могла подобно дехристианизаторам 1793—1794 гг. превратить свою борьбу с контрреволюционным духовенством в борьбу с самой религией как таковой, то из этого естественно намечался только один выход, довольно близкий к тому, которого весной 1794 г. искали робеспьеристы: создать новую религию, которая, защищая крупную буржуазию от посягательств со стороны низших классов, вместе с тем позволила бы противопоставить ее католицизму. Попытками создания такой новой религии были так называемые теофилантропия и декадный культ. К их истории мы сейчас и обратимся.

III

Соображения, положенные в основание той новой религии, которую в 1797—1799 гг. пыталась создать «новая» буржуазия, были с исчерпывающей полнотой и откровенностью изложены в докладе, сделанном 12 флореяля VI года (1 мая 1797 г.) членом Директории Ларевельером-Лепо. Доклад этот был прочитан в секции моральных и политических наук Национального института и был озаглавлен «Размышления о культе, о гражданских церемониях и о национальных празднествах»¹.

Ларевельер-Лепо², бывший член Учредительного Собрания и Конвента, занимал в свое время промежуточное положение между «болотом» и Жирондой и хотя покинул Конвент после 2 июня 1793 г., но по своему возвращении туда в 1795 г. занял несравненно более умеренную позицию, чем горевшие жаждой мести «террористы» жирондисты типа Луве или Ланжуинэ. Это позволяет нам с полным основанием рассматривать Ларевельера-Лепо как представителя «човой» буржуазии, тем более, что этому вполне соответствует и резко отрицательное отношение, проявленное им в последствии к перевороту 18 брюмера. Поэтому мы считаем себя вправе рассматривать доклад Ларевельера-Лепо как проявление общего настроения господствующей классовой прослойки эпохи Директории.

«Нужны ли догматы для религиозного культа?»—восклицает Ларевельер-Лепо в начале своего доклада. «Я думаю, что народ

¹ Текст его см. «Mémoires de Lareveillère-Lerepaux», т. III, стр. 7—27.

² Его биографию см. у Кузински, цит. соч.

не может без них обойтись. В противном случае он ударится в самое нелепое суеверие, ибо всегда найдутся шарлатаны, которые постараются увлечь его воображение, чтобы получить возможность жить за его счет. Более того, без нескольких догматов и без обрядов внешнего культа вам никогда не удастся внушить народу принципы морали и заставить его исполнять таковые.

«Я понимаю, что человек, получивший тщательное воспитание, привыкший к рассуждению и почерпнувший в своих знаниях и своем жизненном опыте некоторое представление о правилах общежития и любовь к порядку, может независимо от всякой веры и культа обладать всеми социальными добродетелями. Но это ни в коем случае не относится к народу.

«Масса не способна возвыситься до понимания идей порядка и правил общежития, ибо понятия эти предполагают тонкий вкус и привыкший к долгим размышлением ум. Поэтому ей необходимо дать положительную точку опоры, т. е. один или два догматы, которые послужат базой для морали, и культ, который будет руководить ее применением. Без этого народ заблудится в неопределенности своих представлений и одними только соображениями метафизики вам не удастся понудить его к постоянному и неуклонному соблюдению его обязанностей» (курсив наш. Я. М.).

Но если таким образом религия, по мнению Ларевельера-Лепо, одна только способна заставить народ «соблюдать его обязанности», т. е., иначе говоря, работать на господствующие классы, то вместе с тем идеальная с его точки зрения религия ни в коем случае не должна напоминать католицизм, «из всех христианских сект наиболее противный прогрессу и исполнению священной морали и наиболее враждебный установлению и укреплению свободы». «Если необходимо, чтобы народ не оставался без религии, вместе с тем для сохранения морали и общественной свободы крайне важно, чтобы догматы и обряды этой религии отличались наивозможнейшей простотой. Я даже считаю что в религии этой, в противоположность некоторым христианским сектам, не должно существовать священников, или же, по меньшей мере, они не должны составлять особой корпорации. Необходимо, одним словом, чтобы священник или служитель культа ни в действительности, ни в общественном мнении не обладал каким бы то ни было специфическим характером; крайне важно, чтобы он рассматривался лишь как служитель религиозной ассоциации, но стоять не как служитель самого бога. Это последнее понимание, составляя несомненное богохульство, является вместе с тем и базой священнической тирании».

Итак, не обладая особым духовенством, желательная Ларевельеру-Лепо религия должна вместе с тем ограничиваться лишь признанием нескольких простейших догматов. Каковы же должны быть эти догматы?

«Существование бога, наказывающего преступление и награждающего добродетель, и бессмертие души, естественно вытекаю-

щее из первого предположения, — таковы основы культа, полезного для народа. Без них все здание морали неизбежно обрушится, ибо оно будет построено на песке... Но вместе с тем эти два доклада являются и вполне достаточными; большее число их приведет лишь к созданию чудовищного здания, в котором человек не сможет не заблудиться и в котором он с каждым шагом будет все дальше и дальше удаляться от разума и справедливости».

Подобная религия, необходимая всегда и повсюду, особенно нужна по мнению Ларевельера-Лепо в переживаемую в настоящее время Францией эпоху. «Если гражданское общество нуждается в вере и религиозном культе, если мораль и основанная на ясных и простых принципах республиканская конституция для своего поддержания требуют, чтобы эти вера и культ отличались наивозможнейшей простотой, то до чего то положение, в котором мы в настоящее время находимся, делает применение этих принципов необходимым и неотложным! Когда разрушен какой-нибудь культ, то сколь бы неразумным и антисоциальным он ни был, всегда необходимо заменить его каким-нибудь другим. В противном случае старый культивируется к новой жизни и, если можно так выразиться, заменит себя сам. Именно таково положение, в котором находится сейчас Франция, и именно в этом заключается основная причина тех бедствий, которые мы все еще испытываем, невзирая на всю прочность нашей конституции и на весь блеск наших побед. Поэтому, повторяю, крайне важно положить предел столь опасным усилиям. Не говоря уже о том, что римский культив по самому своему существу является творцом деспотизма и что он заключает в себе все указанные нами выше недостатки,—легко представить себе всю ярость духовенства, руководимого в своих поступках не только вообще характерными для него жестокостью и стремлением к господству и исключительности, но равным образом и дикой жаждой мести и желанием отплатить за испытанные им унижения! Это не значит, что я опасаюсь того, что римское духовенство когда-либо сможет снова создать во Франции признаваемую государством корпорацию; подобное предположение было чистой химерой. Но сколько бедствий оно нам уже принесло и сколько бедствий оно принесет нам и в дальнейшем, если мы не используем наивысшего простого и верного способа для того, чтобы лишить его каких бы то ни было остатков его влияния!» (курсив наш. Я. М.).

Итак, создать новую религию, способную защитить буржуазию от всяких посягательств со стороны народных масс и вместе с тем могущую вытеснить контрреволюционный католицизм и лишить его какого бы то ни было влияния,—такова программа, намеченная в эпоху Директории «новой» буржуазии и с исключительной яркостью сформулированная в только что рассмотренном докладе Ларевельера-Лепо. Само собой разумеется, что подобный социальный заказ должен был немедленно вызвать попытку

его реализации и первой такой попыткой был так называемый теофилантропический культ.

В конце 1796 г. небольшая группа сравнительно малоизвестных людей во главе с книготорговцем Шемен-Дюпонтом объявила о создании нового религиозного культа, названного первоначально культом теоантропии, т. е. любви к богу и людям. Основные положения этого культа, последователи которого стали скоро называть себя для простоты теофилантропами, были тогда же формулированы в написанном Шеменом небольшом «Руководстве». Затем были созданы два комитета — один для идеологического руководства культом, а другой для его материального обеспечения, и 26 нивоза V года (15 января 1797 г.), в бывшем монастыре Катеринет состоялось первое собрание приверженцев новой религиозной системы.

Основные положения религиозных верований теофилантропов были в довольно четком виде формулированы в статье, помещенной одним из их сторонников — Лашапеллем в номере газеты «Монитор» от 24 термидора V года. Вот что мы там между прочим читаем:

«Базу этого культа, отнюдь не являющегося каким-либо новшеством, составляют два повсеместно принятых доклада, а именно: существование бога и бессмертие души. Принципом и целью этого культа являются три пункта, также повсеместно принятые, ибо они включают в себя все наши обязанности: это почтение бога, любовь к близким и стремление быть полезным отечеству. За всем тем культивирует глубокое и почтительное молчание по вопросу о природе бесконечного разума и нашей души; он не делает никаких усилий и не отваживается ни на какие неуместные попытки, имеющие целью их понять или объяснить.

«Важнейшие принципы частной и общественной морали с наивозможнейшей ясностью и простотой выражаются в нескольких основных речах, произносимых отцами семейств во время геофилантропических церемоний. Промежуток между этими речами заполняется пением на французском языке гимнов, прославляющих могущество, доброту и справедливость божества в его отношении к людям. Эти гимны, исполняемые под аккомпанемент нескольких музыкальных инструментов и припевы коих подхватываются хором всеми присутствующими, возбуждают в душе сладчайшее волнение и иногда даже вызывают слезы»¹.

Как с полной очевидностью показывает этот отрывок, наиболее характерной чертой верований и обрядов теофилантропов являлась их крайняя простота и элементарность. И действительно, «Руководство теофилантропов» особенно настаивает на том, что эта простота должна неизменно отличать как самые храмы сторонников нового культа, так и происходящие в этих храмах церемонии. «Несколько надписей морального характера, простой

¹ «Монитор», т. XXVIII, стр. 763.

алтарь, на который в знак благодарности за благодеяния создателя возлагаются, в зависимости от времени года, несколько цветов или фруктов; трибуна для чтений или речей — таково все убранство наших храмов». Ораторы и чтецы могут одевать специальные одежды (синий костюм с розовым поясом), но это отнюдь не является обязательным.

«Церемонии начинаются с призыва к отцу природы, за которым следует минута тишины, во время которой каждый молча отдает себе отчет в своем поведении. «Глава семейства может облегчить этот отчет, задавая различные вопросы, на которые каждый дает сам себе внутренний ответ». Затем выслушивают речи, поют гимны, созерцают природу, восхваляют весну, совершают крещения, браки или похороны, прославляют людей, сделавших честь человечеству, как-то Сократа, св. Венсана де-Поль, Жан Жака Руссо, Вашингтона»¹.

В начале своего существования культ теофилантропов был, как мы уже говорили, делом небольшого кружка лиц и носил в силу этого совершенно частный и неофициальный характер. Однако полное соответствие этого культа уже известному нам социальному заказу «новой» буржуазии должно было уже очень скоро привести к расширению числа его сторонников и, главное, если и не к официальной, то во всяком случае к полуофициальной поддержке теофилантропов правительством Директории. И нового культа таких видных деятелей, как Дону, Давид, Марифилантропам Ларевельер-Лепо пользуется своим положением члена Директории для их открытой поддержки. «Теофилантропы, — рассказывает он в своих мемуарах, — базировали свой культа на высказанных мной принципах, но ничего не сообщили мне об этом до тех пор, пока существование этого культа не стало общеизвестным. Только после этого они сообщили мне о его возникновении. Я взял на себя довести об этом до сведения Директории и внушить ей мысль, что новое установление может дать самые благоприятные политические результаты. Директория с этим согласилась и отдала министру полиции Сотену приказ покровительствовать основателям нового культа, а равно и предоставить им за счет полицейских фондов небольшие суммы, в которых они могли почувствовать нужду для отправления этого простого и дешевого культа»².

Несравненно важнее, однако, чем эти денежные подачки, которые никогда не достигали мало-мальски значительных размеров³, была помощь, оказанная теофилантропам Директорией в ином отношении, а именно в смысле предоставления им помеще-

¹ Олар, цит. соч., вып. II, стр. 151.

² Мемуары Ларевельера-Лепо, т. II, стр. 166

³ См. об этом Mathiez, Contributions à l'histoire religieuse de la Révolution Française, стр. 197—200.

ний для отправления их культа. В результате этого теофилантропы уже к осени 1797 г. пользовались совместно с католиками кругнейшими из церквей Парижа, а весной 1798 г. они получили доступ и в собор Парижской Богоматери¹.

Однако, невзирая на это кажущееся торжество, успех теофилантропического культа был непрочным и крайне кратковременным. Основной причиной этого обстоятельства был тот факт, что теофилантропия в самых своих исходных посылках содержала зародыш своей неизбежной неудачи. В самом деле, не говоря уже о полной утопичности самой попытки искусственного создания новой религии, обе задачи, которые ставились «новой» буржуазией создаваемому ею новому религиозному культу — обуздание народных масс и вытеснение контрреволюционного католицизма, могли быть осуществлены лишь при том непременном условии, чтобы эта религия обладала массовым характером и была способна увлечь за собой широкие слои городского и сельского населения. А между тем весь характер теофилантропического культа совершенно исключал подобную возможность, и поэтому Олар совершенно прав, когда он говорит, что теофилантропический культа «обращался не к невежественному народу, а лишь к образованной буржуазии»². Само собой разумеется, что эта основная и наиболее характерная черта всего теофилантропического культа совершенно лишала его возможности достигнуть тех результатов, к которым стремилась в это время религиозная политика «новой» буржуазии и поэтому неудивительно, что после короткого периода своего увлечения теофилантропией эта прослойка постепенно отходит от нее и предоставляет ее собственной участии.

Результатом этого отхода «новой» буржуазии от поддержки теофилантропического движения было постепенное изменение его классового характера. Переворот 18 фрюктидора, на некоторое время снова предоставивший мелкой буржуазии возможность активного влияния на судьбы Французской Республики, естественно усилил размах антикатолической пропаганды, и было вполне понятно, что враги католицизма в своей борьбе с ним постарались использовать и теофилантропию. Поэтому одновременно с отходом от этого культа его сторонников из среды крупной буржуазии, растет количество мелкобуржуазных последователей теофилантропии. Следствием этого было то, что, как это совершенно правильно отмечают некоторые историки³, теофилантропия, в начале своего существования кичившаяся своей терпимостью в отношении всех остальных культов, уже с начала 1798 г. видит свою основную задачу в борьбе с католицизмом. А так как с этого же самого времени усвоенный правительством Директории после 18 фрюктидора левый курс заменяется новым креном направо, то было вполне естественно, что теперь правительственные власти не

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 275.

² Олар, цит. соч., вып. II, стр. 151.

³ См. напр., Де-ла-Горс, т. IV, стр. 278—281.

только не поддерживают теофилантропов, но и, напротив того, чинят всевозможные препятствия развитию их деятельности¹. Вот почему теофилантропия, начиная с весны 1798 г., теряет все свое прежнее значение и влечит самое жалкое существование; с этого же самого времени на смену ей в качестве поддерживаемого «новой» буржуазией приходит новый культ, так называемый «декадный». Обратимся к его истории.

IV

В основе декадного культа лежал опыт неудачи, испытанной теофилантропией. Одной из ее причин был, как мы уже говорили, узкий и замкнутый характер всего теофилантропического культа, делавший его недоступным для широких масс. Вот это-то обстоятельство и было учтено инициаторами «декадного культа», и поэтому главной задачей, которую они себе поставили, было создание такого религиозного культа, который мог увлечь за собой широкие слои городской и сельской демократии. Первым условием для этого являлось наделение вновь создаваемого культа торжественными и импозантными церемониями, способными отвлечь от преданы ему главным образом потому, что католический кульгловко бил на их воображение и подавлял их величественностью своих обрядов. Такими церемониями должны были явиться установленные революционным календарем «декадные» и «гражданские» праздники, и поэтому основное содержание «декадного культа» и составляло стремление заменить этими праздниками праздники старого календаря и главное придать им религиозный характер, способный сделать их основой нового религиозного культа, существовавшего убить и заменить собой традиционный католицизм.

Впрочем, идея использования революционных праздников для борьбы с католицизмом отнюдь не является изобретением эпохи Директории. Мы видели в свое время, что именно эта идея составляла одну из краеугольных мыслей робеспьеровского доклада 18 флореяля и ее же мы встретили затем как в специальном докладе о гражданских празднествах, зачитанном Мари-Жозефом Шенье в Национальном Конвенте и нивоза III года, так и в практике конвентских комиссаров эпохи термидорианской реакции. Точно так же и во втором докладе, заслушанном термидорианским Конвентом по вопросу о гражданских праздниках,—докладе Эшассерио от 17 плювиоза, мы встречаем следующие мысли:

«Тирания и суеверие угнетали землю. Вы расправились с первой и теперь, законодатели, вы обязаны облегчить страдания, причиняемые вторым».

Средством для этого, полагает Эшассерио, являются гражданские праздники.

¹ См. Mathiez, «La Révolution et l'Eglise», гл. V.

«Слишком долго человеческий дух вводился в заблуждение и затемнялся недоступными его пониманию метафизическими идеями; пора, наконец, указать человеческому разуму на простые мысли и реальные слова, составляющие счастье общества. Первыми из всех когда-либо существовавших законодателей вы приведете в движение общественную мораль и посвятите почести великого народа социальным добродетелям и священнейшим правам человеческого рода. На развалинах всех заблуждений вы восстановите свободное течение добродетелей и велений природы...

«... В гражданских празднествах объединяются последователи всех культов; слушая проповеди сладостной морали отечества, они постепенно забудут опасные заблуждения, порожденные фанатизмом у обманутого им легковерия» (курсив наш. Я. М.).

Хотя обсуждение доклада Эшассерио в заседании 17 плювиоза было отложено, однако нет никакого сомнения в том, что именно изложенные в этом докладе принципы заставили Национальный Конвент в принятом им 3 брюмера IV года, т. е. накануне его распуска, декрете о народном образовании провозгласить обязательность празднования во всех кантонах Республики семи национальных праздников². То, что это так, ясно видно из следующего абзаца уже цитированной нами в свое время инструкции Директории ее агентам на местах:

«Празднуйте национальные праздники; пусть их церемонии соответствуют климату, духу и невинным привычкам вверенного вашему попечению населения. Чужды нашим нравам и обычаям люди смогли установить нелепые праздники, связанные с неизвестными нам событиями и посвященные людям, самое существование коих является проблематичным; они смогли добиться затраты огромных средств на ежедневное и монотонное повторение обряда, совершение незначительных и часто даже абсурдных. Недов, совершившие Бастилию и трон и победившие чуть ли не всю Европу, не смогут сохранить посредством национальных праздников воспоминания о великих событиях, обессмертивших нашу Революцию? Эти праздники установлены конституцией; вашим делом является руководить ими и установить их церемонии. Пусть они будут просты и величественны, как и те события, в ознаменование коих они установлены... пусть они послужат поэзодом для укрепляющих тело физических упражнений и волнующих сердца братских собраний. Только в тот день, когда на одном из этих празднеств народ поклоняется в забвении всех обид и цивилизации всех ненавистей, можно будет утверждать, что царство Республики будет царством мира и благополучия»².

¹ Праздники эти должны были быть посвящены: основанию Республики (1 вандемьера), молодости (10 жерминаля), супружеству (10 флореяля), благодарности (10 прериля), сельскому хозяйству (10 мессыдора), свободе (9 и 10 термидора) и старости (10 фрюктидора).
² «Монитор», т. XXVI, стр. 635.

Но если таким образом уже термидорианский Конвент и Директория в первые дни ее существования рассматривали гражданские празднества как одно из средств борьбы с «фанатизмом», то они все же придавали им в этом отношении лишь довольно второстепенное значение. Доказательством этого может служить то обстоятельство, что даже довольно неблагоприятный для духовенства уже известный нам декрет 7 вандемьера IV года делал обязательным только для должностных лиц. Что же касается до остального населения, то ст. 3 этого декрета гласила, что «под страхом наказания... всем судьям и администраторам запрещается использовать свой авторитет, а прочим гражданам — употреблять насилия, оскорблений или угрозы с целью принудить одного или нескольких лиц праздновать какие бы то ни было религиозные праздники или соблюдать те или иные дни отдыха». Вполне понятно, что при таких условиях установленные Конвентом гражданские праздники влекли самое жалкое существование и ни в какой мере не могли оказать какого бы то ни было влияния на положение католицизма.

Таково было положение вещей к тому моменту, когда «новая» буржуазия, разочаровавшись в теофилантропии, решила искать новое орудие для борьбы с возраставшими с каждым днем успехами контрреволюционного католицизма. Вполне естественно, что при этом не могли не вспомнить о гражданских празднествах, и мы действительно видим, что в заседании Совета пятисот 24 вандемьера VI года (15 октября 1797 г.) депутат Пизон-дюзование вносит предложение о поручении комитету народного образования представить проект о «праздновании декади во всех кантонах Республики посредством отдыха, просвещения и игр или упражнений». Через месяц, 3 фримера (23 ноября 1797 г.), предложение Пизона, переданное Советом пятисот в свое время в комиссию, возобновляется другим депутатом — Дюо, ясно подчеркивающим при этом его антиклерикальный характер. «Вам будут говорить, — воскликнул он, — что эта мера нарушит специальные правила отдельных сект. Но законодатели, вырабатывая законы, совершенно не обязаны считаться с той или иной религией; напротив того, служители культов, устанавливая свои обряды, обязаны руководствоваться законами. Вам будут говорить, что вы нанесете удар индивидуальной свободе; но рассуждать подобным образом могут одни только враги свободы общественной».

Предложение Дюо, конкретизированное в представленном им Совету пятисот 14 фримера законопроекте, было поставлено на обсуждение этого Совета в его заседании 25 фримера (15 декабря), причем его главным оппонентом выступил Грегуар. Решительно возражая против предложения Дюо, Грегуар вместе с тем требовал обжалования перед Директорией обязательных постановлений, принятых в Аллье и Мулене в соответствии с письмом министра внутренних дел, предлагавшим перенесение обрядов всех культов

на декади. На тот же случай, если предложение Дюо будет все-таки принято, Грегуар настаивал на дополнении его оговоркой об оставлении в силе законов, устанавливающих принцип свободы всех религиозных культов.

В заседании Совета пятисот 28 фримера были принятые две статьи из предложенного Дюо законопроекта, но затем дело затянулось, и снова поставленный на обсуждение в заседании 4 жерминаля (24 марта 1798 г.) проект Дюо был опять отложен. Точно так же было положено под сукно и оглащенное в заседании Совета пятисот 15 вантоза (5 марта 1798 г.) ходатайство «республиканцев VI округа города Парижа» об установлении наказаний в отношении всех тех, кто не будет праздновать декади.

Промедление Совета пятисот с разрешением вопроса о праздновании декади вынудило Директорию издать 14 жерминаля VI года (3 апреля 1798 г.) постановление, важнейшие пункты которого гласили:

«Исполнительная дирекция, принимая во внимание, что республиканский календарь — единственный, который признают конституция и законы, — является вместе с тем одним из установлений, наиболее пригодных для того, чтобы заставить исчезнуть последние воспоминания о королевском, дворянском и поповском режиме.

«Что в силу этого крайне необходимо принять меры для преодоления того сопротивления, которое оказывают ему враги свободы и люди, привязанные в силу привычки к старым предрасудкам...

«... Постановляет:

«Ст. 1. Муниципальные администрации сельских кантонов, а равно и коммун, с населением до пяти тысяч человек обязаны устраивать свои заседания по декади. Комиссарам Исполнительной Дирекции предписывается сообщать о тех из вышеуказанных администраций, которые будут устраивать свои заседания по воскресеньям или праздникам старого календаря.

«Ст. 2. Комиссары Исполнительной Дирекции при муниципальных администрациях и полицейских трибуналах предпишут мировым судьям равным образом назначать на декади устраиваемые ими заседания... Они будут сообщать министру юстиции о тех из них, которые будут назначать эти заседания на воскресенья или праздники старого календаря.

«Ст. 3. Муниципальные администрации назначат на определенные дни декады торговлю на имеющихся в пределах их округов рынках. Раз намеченный ими порядок не может ни в коем случае быть изменен под предлогом того, что тот или иной из установленных дней падает на бывший праздник. Они обратят особое внимание на устранение связи между днями рыбных базаров и установленными старым календарем постными днями.

«Ст. 4. Постановления, изданные муниципальными администрациями на основании предшествующей статьи, будут про-

возглашены под звуки труб или барабанов. Все лица, виновные в выставлении на рынках товаров вне дней, определенных этими постановлениями, будут преданы суду исправительной полиции...

«Ст. 5. Центральные администрации определят сроки проходящих в пределах их округов ярмарок согласно республиканскому календарю. При этом они будут, насколько это возможно, придерживаться прежних сроков, но будут вместе с тем следить за тем, чтобы сроки эти ни в коем случае не совпадали с праздниками старого календаря.

«Ст. 6. Муниципальные администрации точно так же определят согласно республиканскому календарю дни открытия биржи и прочих подобных собраний. При этом они всеми имеющимися в их распоряжении средствами должны препятствовать тому, чтобы собрания эти происходили в другие дни...

«Ст. 9. Начальники и управляющие мастерскими, верфями, работами и учреждениями, производимыми или содержимыми за счет или от имени Республики, обязаны регулировать работу рабочих и связанные с ней операции по декадам. По декадам же должна исчисляться и плата. Приостановление работ может иметь место лишь по декади и дням гражданских празднеств, а равно и, в случае желания рабочих, по кентиди после 12 час. дня. Рабочие, которые станут отдыхать по воскресеньям или праздникам старого календаря, подлежат увольнению...

«Ст. 10. Дни работы общественных касс... и всех вообще общественных учреждений должны определяться по революционному календарю. Нарушители настоящей статьи, независимо от того, назначаются ли они Директорией, министрами или подчиненными этим последним властями или агентами, подлежат увольнению...

«Ст. 12. Директора театров обязаны назначать представления согласно республиканскому календарю и давать спектакли во все декади и дни национальных праздников. Что касается до воскресений и праздников старого календаря, то спектакли могут иметь место в эти дни только в тех случаях, когда они совпадут с обычными днями спектаклей, а равно и с декади или днями национальных празднеств. Всякий театр, нарушивший постановления настоящей статьи, подлежит закрытию.

«Ст. 13. Предыдущая статья распространяется также на балы, фейерверки и все вообще открытые для публики зрелища»¹.

Как ни существенно было постановление Директории от 14 жерминаля для укрепления положения революционного календаря, оно все же имело в виду лишь государственные и общественные учреждения или организации, но отнюдь не частных лиц. Тем самым возможность использования этого постановления для борьбы с католицизмом была лишь очень и очень ограниченной и поэтому неудивительно, что немедленно вслед за изданием акта 14

жерминаля мы присутствуем при попытке представителей «новой» буржуазии расширить его предписания и распространить их и на частные лица и организации.

В заседании Совета пятисот 19 мессидора VI года, т. е. 7 июля 1798 г., шерский депутат Боннер сделал доклад о декадных праздниках, заканчивавшийся проектом двух резолюций по этому вопросу. 28 мессидора начались прения, и в тот же день была принята ст. 1. законопроекта, гласившая, что декады и национальные празднества являются днями отдыха на всем протяжении Республики. Однако депутату Гранмэзону статья эта показалась недостаточной. «Как,—воскликнул он,—в то самое время, когда римский первосвященник, столь давно атакованный философией и, наконец, лишенный нашими храбрыми защитниками своего трона, вынужден переносить с места на место свою бродячую религиозность,—его служители еще смеют осуществлять в нашей среде свой наглый деспотизм. Они запрещают работать по воскресеньям и препятствуют католическим рабочим работать в эти дни в мастерских теофилантропов, признающих одни только декады». В заключение своей речи Гранмэзон предлагал предписать перенесение на декады всех религиозных праздников. Предложение это было передано в комиссию; то же самое было сделано и с предложением Брио о запрещении закрывать магазины в дни праздников старого календаря. Вслед за этим Совет пятисот принял еще несколько статей проекта Боннера.

29 мессидора Боннер вторично огласил свой законопроект, после чего начались горячие прения в связи с внесенной поправкой,гласившей, что декады должны быть единственными днями отдыха. «Дюплантье (из Жиронды) считает недопустимой и невозможной всякую статью, ограничивающую дни отдыха. Однако он предлагает запретить учителям обоего пола отдыхать в другие дни, кроме декади и кентиди. Тьессе полагает, что принятие предложеной поправки лишило бы праздники старого режима той физиономии, которую они приняли с начала реакции. Крезе-Латуш призывает к мягкости. «Дайте возможность,—говорит он,—постепенно итти по проложенному вами пути и вы достигнете своей цели». Он требует перехода к порядку дня. Дестрем и Дювике настаивают на том, что, поскольку предложенная поправка является республиканской, недопустимо переходить к порядку дня. Дювике особенно подчеркивает, что конституция запрещает внешние знаки культа. «А между тем,—говорит он,—закрытие всех лавок является несомненно внешним знаком культа. При старом режиме лавки Пале-Рояль оставались открытыми. Почему же вы думаете, что торговцы, проживающие ныне в этом притоне всех преступлений и подлом пристанище разврата и проституции, являются более богомольными, чем их предшественники?» Жиро-Пузоль высказывается в смысле Крезе-Латуша, а Эрнандез в смысле Дювике. Люсиен Бонапарт горячо поддерживает мнение Крезе-Латуша. «В Риме—воск-

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 229—230.

ликает он,—во время папского владычества не принуждали какую бы то ни было секту работать по декади. Неужели же мы, представители свободного народа, предоставим отправлению культов меньшинства свободы, чем римский первосвященник? Я поддерживаю требование перехода к порядку дня!» *Лекуантр-Плюяраво*, приветствуя принципы, развитые Крезе-Латушем и Люсьеном Бонапартом, замечает, однако, что они не сделали правильного вывода из своих слов. Подобно Дювике он считает, что полное закрытие магазинов является внешним знаком культа. Однако он признает, что предложенная поправка требует зрелого размышления и советует отложить вопрос. Предложение это принимается¹.

Таким образом в окончательный текст резолюции Совета пятисот, получившей силу закона в силу постановления Совета старейшин от 17 термидора, поправка о запрещении закрытия магазинов по воскресеньям не вошла. Что же касается до содержания закона 17 термидора VI года, то его важнейшие статьи гласили.

«Ст. 1. Декады и дни национальных праздников являются днями отдыха на всем протяжении Республики.

«Ст. 2. Установленные организации и их служащие, а равно и служащие общественных учреждений отдыхают по указанным выше дням за исключением случаев крайней необходимости...

«Ст. 3. В эти же дни отдыхают общественные школы, а также и школы частные и пансионаты для учащихся обоего пола. Администрации закроют те учебные заведения, которые не исполнят предписания настоящей статьи.

«Ст. 4. Сверх дней, указанных в предыдущей статье, общественные школы, а также и частные учебные заведения для лиц обоего пола не могут под угрозой предусмотренного в ст. 3 наказания отдохнуть в другие дни декады, кроме как в кентиди...

«Ст. 8. В дни декады и национальных праздников все лавки, магазины и мастерские должны быть закрыты под угрозой применения наказания, предусмотренного в ст. DCV уголовного кодекса... (курсив наш Я. М.)²:

Мы говорили выше, что доклад Боннера от 19 мессидора заключал в себе проект двух декретов по вопросу о декадных праздниках. Первый из них был осуществлен в форме только-что приведенного закона 17 термидора; что же касается до второго, то в основу его положен новый доклад Боннера, зачитанный в заседании Совета пятисот 12 термидора. Вот важнейшие места этого доклада:

«Новое измерение времени, простое, точное, освобожденное от всех суеверных заблуждений и целиком соответствующее временам года и движением небесных светил обессмертило собой первые годы Республики... Новая эра была создана революцией и для революции, ибо благодаря небывалому в истории совпадению началом

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 319.
² Там же, стр. 395.

ее служит день провозглашения Республики. Этого оказалось достаточно, чтобы на эту эру обрушились все предрассудки и страсти.

«Те, кто хорошо понимает могущество рутины над духом народа и знает его язык, привычки и обычай; те, кто принимает участие в его жизни и определяет его вкусы и влечения — пустил в ход все орудия самого гнусного лицемерия, чтобы ввести народ в заблуждение. Народ был обманут, и он вообразил, что окажет услугу религии, если выкажет глубокое нерасположение к республиканскому календарю.

«С этого времени получила начало страшная система оппозиции вашим наиболее мудрым установлениям; система, ловко руководимая людьми, умеющими удачно пользоваться всеми недовольствами, столкновениями личных интересов и политическими переменами в целях увеличения своего гнусного влияния. С этого времени Франция явила картину двух враждебных наций, всегда готовых раздирать друг друга и различных между собой во взглядах, обычаях и языке. На одной стороне господствует философия, на другой — предрассудок; на одной стороне царит энтузиазм свободы, а на другой — рабская угодливость; на одной стороне — республика, а на другой — монархия. Одним словом, между жителями одной родины как бы лежит протяжение двух веков!

«Не думайте, граждане-коллеги, что происшедшая 18 фрюкидора победа республиканцев повела к устраниению этих отличий; нет, они все еще существуют, и именно вам предоставлена великая и славная задача их уничтожения.

«Закон 4 фримера II года гласит, что «старый календарь отменяется для гражданского быта». Однако этот принцип, пораженный в самом своем корне, не получил до сих пор какого бы то ни было применения. В департаментах, в которых не осуществлено постановление Директории от 14 жерминаля, ярмарки, рынки и торговля съестными припасами все еще происходят в известные дни недели или старых месяцев; все господствующие в этих департаментах обычай — те же, что во времена монархии.

«Кроме того прихоти глупости и упрямства часто находят себе пристанище в кабинетах нотариусов. Люди, которые до революции едва ли верили в существование Верховного Существа, но которые с тех пор, как им приходится претерпевать пытки политического равенства, уверовали во всех святых, — упорно соблюдают греко-иоанский календарь и в совершаемых ими договорах и актах неизменно оскорбляют Республику и нарушают существующие законы.

«Пора положить предел этому позору; пора, чтобы Республика наложила свою руку на все бытовые обычай и чтобы она всюду и везде являла народу свое лицо и владела всеми его чувствами.. Вы не должны даже допускать, чтобы старый календарь применялся наряду с новым. Республика слишком страдает от этой конкуренции, которую она чересчур долго терпела.

«Этим путем, граждане-коллеги, вы постепенно обновите наши нравы и без насилий и потрясений заставите забыть старый календарь, осужденный на смерть с того момента, как он не найдет более себе применения в наших установлениях и бытовых обычаях».

В заключение своего доклада Боннер предложил проект декрета, собственно говоря лишь воспроизведившего основные предписания постановления Директории от 14 жерминаля. Употребление старого календаря запрещалось, даже параллельно с календарем революционным; все ярмарки, рынки и т. п. должны были отныне устанавливаться исключительно только на основании революционного календаря, и нарушение этих предписаний влекло за собой наказание штрафом.

Доклад и законопроект Боннера вызвали горячие споры, начавшиеся в том же самом заседании Совета пятисот 12 термидора. Вот что рассказывает об этом «Монитер»:

«Мансор находит законопроект недостаточным; он напоминает о внесенных ранее поправках и в частности о той, которая касается открытия лавок по воскресеньям и праздникам старого календаря. В том же смысле высказываются Дюплантье, Бигонне и Арене. Шерлок выражает пожелание, чтобы вместо исчисления прежних веков от рождества христова, исчисляли их задним числом до основания Республики. Леклер (из Мен-и-Луары) предлагает выдавать патентные свидетельства только тем торговцам, которые дадут клятву применять лишь республиканские единицы меры и веса и держать свои лавки открытыми по воскресеньям и праздникам старого календаря. Все эти замечания передаются в комиссию».

19 термидора прения возобновились, и с горячей речью против предложения об обязательном открытии магазинов по воскресеньям выступил уже ранее высказавшийся по этому поводу Люсьен Бонапарт. «Я открываю, — говорил он, — кодексы всех тиранов; я окидываю взглядом действия всех узурпаторов и даже в них я не могу найти примера нарушения индивидуальной свободы, подобного тому, которое нам сейчас предлагают».

Это выступление брата Наполеона Бонапарта и одного из виднейших в будущем организаторов переворота 18 брюмера чрезвычайно характерно для представителя направления, ставившего ставку на «старую» буржуазию. В то время как «новая», выросшая на основе революции, спекулятивная и ростовщическая буржуазия требовала, как мы знаем, решительной борьбы с контрреволюционным католическим духовенством и рассматривала революционный календарь как одно из важнейших орудий этой борьбы, «старая», воспитанная на «нормальных» методах накопления буржуазия относилась к католицизму довольно примирительно и поэтому не сочувствовала его слишком большому «угнетению». Но так как «старая» буржуазия была в это время в обоих Советах в меньшинстве, ее точка зрения естественно не могла получить перевеса. Поэтому неудивительно, что в окончательный

текст закона, принятого Советом Пятисот 21 термидора и одобренного Советом старейшин 23 фрютидора (9 сентября 1798 г.), пункт об открытии магазинов по воскресеньям был включен, хотя и в несколько смягченном и завуалированном виде. Вот важнейшие статьи этого закона:

«Ст. 1. Во всех договорах и соглашениях, все равно публичных или частных, запрещается употребление каких-либо дат или сроков кроме тех, которые установлены республиканским календарем, а равно и указание старой эры наряду с новой. Нарушение этого правила наказуется штрафом в размере 10 франков в отношении частных лиц и 50 франков в отношении общественных должностных лиц, нотариусов и служащих Республики. В случае рецидива штраф должен взиматься в четверном размере, а виновные в таковом нотариусы подлежат увольнению.

«Не считается нарушением содержащихся выше предписаний указание дат, заключающихся в актах, предшествующих опубликованию настоящего закона.

«Ст. 2. Из предписаний предыдущей статьи исключаются акты, участниками которых являются жители иностранных государств. В этих случаях, наряду с датами нового календаря могут быть указаны и даты старого календаря...

«Ст. 4. Во всех периодических изданиях, афишиах или надписях под страхом наказания, установленного в ст. 1 для должностных лиц, запрещается указание или напоминание каких-либо дат кроме тех, которые установлены республиканским календарем.

«Ст. 5. Немедленно по опубликовании настоящего закона центральные администрации, если они не сделали этого до сих пор, определят распорядок ярмарок и рынков их департаментов и назначат их на определенные числа республиканского календаря, исключая декады и дни национальных праздников. Соответствующие списки будут включены в протоколы муниципальных администраций и будут опубликованы и развезданы во всех коммунах департаментов. Ярмарки и рынки будут допускаться только в указанные для них дни, причем нарушение этого правила будет караться как участие в запрещенных законом сбирающих...

«Ст. 6. В тех коммунах, где в определенные дни старого календаря имели место специальные рынки или базары съестных припасов или других товаров, муниципальные администрации... равным образом перенесут таковые на определенные дни декады. Работа указанных рынков или базаров в иные дни кроме тех, которые будут установлены, будет наказываться тюремным заключением на срок не выше трех дней.

«Ст. 7. В дни, указанные в предыдущей статье, а равно и в ст. 5, торговцы под страхом наказания, установленного в предыдущей статье, будут обязаны держать свои магазины открытыми. Исключения из этого могут допускаться только вследствие причин, признанных уважительными соответствующими муниципальными администрациями» (курсив наш. Я. М.)¹.

Законы 17 термидора и 23 фрюктидора осуществляли только одну половину той задачи, которую ставила себе новая буржуазия при предпринятом ею в это время новом нападении на католицизм: они наносили серьезный удар католическому культу, лишая воскресные и праздничные дни значения дней отдыха даже для частных лиц, и вводя вместо этого обязательное празднование декады и революционных праздников. Но мы уже говорили, что неудача, постигнувшая попытку теофилантропов, показала «новой» буржуазии, что тот культ, которым она имела в виду заменить традиционный католицизм, мог рассчитывать на успех только в том случае, если он получит народный и массовый характер. Само собой разумеется, что первым условием для этого являлось наличие у нового культа пышных и торжественных церемоний, способных заменить ставшие давно уже привычными для широких кругов населения церемонии и шествия католической церкви. Вот почему, установив обязательное празднование декады и «гражданских» праздников, следовало вместе с тем превратить их в пышные торжища, могущие увлечь массы своей импозантностью и роскошью. Мы сейчас рассмотрим, что было сделано для достижения этой цели.

Что касается декады, то подробности их празднования были регулированы законом, принятым Советом Пятисот 6 термидора и утвержденным Советом старейшин 13 фрюктидора VI года (30 августа 1798 г.).

Приведем важнейшие статьи этого закона:

«Ст. 1. Каждое декады муниципальная администрация, а равно и комиссар Исполнительной дирекции и секретарь будут отправляться в присвоенных им одеяниях в места, предназначенные для собраний граждан, и будут зачитывать законы и акты общественных властей, сообщенные им в течение предшествующей декады.

«Ст. 2. Исполнительная дирекция издаст распоряжение об издании и рассылке всем муниципальным администрациям декадного бюллетеня, посвященного общим делам Республики. Этот бюллетень будет содержать в себе описание героических поступков и действий, способных пробудить гражданственность и добродетель. Кроме того он будет содержать специальный раздел, посвященный распространению сельскохозяйственных и промышленных знаний. Раздел этот будет зачитываться после прочтения законов.

«Ст. 3. Регистрация браков будет проходить исключительно по декаде, в помещении предназначенном для собрания граждан...

«Ст. 5. По декаде гражданам будет сообщаться о рождении и смертях, а также и об актах и судебных решениях, касающихся признания рожденных вне брака детей и усыновлениях и разводах, имевших место в течение истекшей декады...

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 388.

«Ст. 6. Учителя и учительницы как общественных, так и частных школ обязуются приводить своих учеников в дни декады или национальных праздников в места собраний граждан.

«Ст. 7. Исполнительная дирекция примет меры, необходимые для организации в дни декадных собраний граждан во всех центрах кантонов игр и гимнастических упражнений.

«Ст. 8. Все законы или постановления, противоречащие настоящему, отменяются¹.

Итак, декады должны были ознаменовываться общими собраниями граждан, на которых зачитывались изданные в течение декады законы и постановления, сообщалось о произошедших за это время рождениях и смертях, регистрировались браки и т. д. За этой официальной частью должна была следовать часть неофициальная, важнейшими элементами которой являлись игры и физкультурные упражнения.

Несравненно пышнее должны были праздноваться гражданские праздники, важнейшие из которых были установлены еще законом 3 брюмера IV года. За отсутствием специальных законов по этому поводу министр внутренних дел Франсуа де-Невшато издал в течение 1798—1799 гг. ряд циркуляров, в которых регулировались церемонии этих праздников и вместе с тем чрезвычайно ярко подчеркивался их основной смысл. С важнейшими из этих циркуляров мы сейчас познакомимся.

1 вандемьера VII года (22 сентября 1798 г.) должен был состояться праздник в ознаменование годовщины провозглашения Республики. В изданном за несколько дней до этого циркуляре, намечающем основные церемонии этого праздника, Франсуа де-Невшато между прочим писал:

«В противоположность пустым церемониям суеверия, представлявшим оскорбленному легковерием разуму лишь легкомысленные зрелища, республиканские празднества содержат в себе религиозный характер, философию чувства и моральное красноречие, громко взывающие ко всем сердцам. Каждый их участник чувствует в них почести, которые отечество воздает его заслугам, его постоянству, его преданности и вообще всем жертвам, которые каждый из членов отечества принес совокупности своих сограждан. Чувствуя, что его стремления совпадают со стремлениями его братьев, он вместе с тем чувствует, что стремления его собратьев совпадают с его собственными...»

«... Тем не менее, имеются некоторые кантоны, в которых наши национальные праздники вызывают лицемерную клевету и яростную вражду. Существуют служители культов, жалеющие о царстве предрассудков и пытающиеся для того, чтобы заставить народ покинуть алтарь отечества и республиканские праздники, испугать трусливые умы, противопоставляя религиозные идеи конституционным законам.

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 325—326.

«Вам, народные магистраты, надлежит уберечь граждан от ловушек, расставляемых им этими злонамеренными людьми. Вам будет легко показать, что республиканское здание покойится на базе всех религий, на чистейшей морали, на вере в бога, являющегося судьей добрых и злых; на всеобщей терпимости и на применении добродетелей, с полным основанием рассматриваемых как наиболее важная составная часть всех культов и как и наиболее достойная форма поклонения божеству.

«Откройте конституцию. В ее первых же строках вы увидите, что французский народ провозглашает декларацию прав и обязанностей перед лицом высшего судьи.

«Вспомните также торжественную речь, произнесенную на Марсовом поле председателем Директории в связи с тем самым праздником, речь о котором идет и сейчас (1 вандемьера VI года). Вспомните, что эта речь, или вернее этот восхитительный гимн, была не чем иным, как призывом к божеству и своего рода молитвой, начинающейся и заканчивающейся замечательными словами: «Да будет тебе воздана хвала, о верховный судья мировых судеб! Да будет тебе воздана хвала, о Франция и Республика!»

«Исполнительная Директория подала вам пример, граждане-администраторы; следуйте же этому примеру! Пусть те из вас, которые во время предстоящего празднества будут обращаться к своим согражданам, смогут заинтересовать народ в ходе нашей революции и доказать ему, что она является результатом действия той бесконечной силы, которая правит миром...

«... Если бог создал нас для добродетели, то он в то же самое время создал нас и для того, чтобы быть свободными. Разве мы этого не испытали? Разве недостаточное число раз нас спасало, так сказать, ясное вмешательство провидения?.. Именно тогда, когда мы бывали на краю пропасти, спасительная рука каждый раз оказывалась протянутой нам для того, чтобы оказать нам помощь. Все страшные кризисы, которые нам приходилось переживать, неизменно оканчивались неожиданным и благодетельным спасением, и вопреки всяkim ожиданиям и всяким человеческим расчетам то самое, что, казалось бы, должно было погубить революцию, напротив всего, укрепляло ее устои. Кто же после этого может усомниться в том, что само провидение, гордое своим делом, само и без всяких посредников поддерживало и улучшало его? Кто посмеет сказать: я сделал революцию? Кто посмеет хвастаться, что он не только вызвал, но хотя бы даже и предвидел те чудесные события, которые составляют историю основания Французской Республики?

«Какие великолепные темы все это дает для яркого гения ораторов и поэтов!.. Пусть же выразительные словословия и трогательные гимны вознесут к небу знаки нашей благодарности в отношении высшего творца нашего возрождения; пусть французы призывают защищавшего их бога; пусть они умоляют его всегда бодрствовать на страже нашей свободы!..

«Граждане-администраторы, установите повсюду этот культ любви и благодарности! В лице свободы приветствуйте дочь провидения; пусть никто не смеет бросить на нее святотатственный взгляд! Пусть все узнают, что ее враги являются настоящими святотатцами и что бороться с ней, значит вместе с тем бороться с самим божеством!» (курсив наш. Я. М.)¹.

Вряд ли требуется доказывать, что этот циркуляр Франсуа де-Невшато представляет собой не что иное, как развернутую программу создания того «декадного культа», который «новая» буржуазия пыталаась противопоставить католицизму после неудачи теофилантропии. Подчеркивая то обстоятельство, что вся Французская Революция есть результат беспрерывного вмешательства в человеческие дела со стороны «божества» или «проводения», Франсуа де-Невшато хотел тем самым превратить «гражданские» празднества в празднества религиозные, что и было им впрочем вполне откровенно признано. Поскольку же эти гражданские празднества должны были носить массовый и глубоко народный характер, ясно, что этим путем подготовлялась почва для создания нового массового религиозного культа, в котором идея родины сливалась с идеей божества. Тем самым избегалась основная ошибка теофилантропов — узкий и чисто кружковый характер придуманного ими культа, и создавалась организация, казалось бы, вполне способная извлечь народные массы из-под тлетворного влияния контрреволюционного католицизма.

Основные мысли, положенные Франсуа де-Невшато в основание его циркуляра о порядке празднования дня 1 вандемьера VII года, повторяются в целом ряде его более поздних циркуляров. Так, в циркуляре от 30 фримера VII года о праздновании годовщины казни Людовика XVI Франсуа де-Невшато восклицает: «Администраторы, всеми имеющимися в вашем распоряжении способами приайте этому торжеству религиозный характер» (курсив наш. Я. М.)¹. Та же самая мысль характеризует и изданную им 30 плювиоза инструкцию о предстоящем 30 вантоза «празднике народного суверенитета».

«Праздник 30 вантоза, — пишет в ней Франсуа де-Невшато, — величественен как по своему существу, так равно и по гой эпохе, к которой он относится. Отсюда вытекает серьезный и религиозный характер этого праздника... В других праздниках на первый план должны выступать восторги радости и пламенное опьянение сердца и разума; здесь же должна господствовать серьезность, неотделимая от раздумья о величии объекта данного праздника.

«Во время шествия должны раздаваться исполняемые хором религиозные песни. Организация этой церемонии поручается талан-

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 587.

ту артистов, вашей бдительности и энергии граждан. Все в ней должно напоминать об идее величия...» (курсив наш. Я. М.)¹.

Циркуляры Франсуа де-Невшато были дополнены на местах рядом постановлений местных муниципальных органов. Как на пример, укажем на постановление, изданное 18 нивоза VII года центральной администрацией департамента Сены и регулировавшее порядок декадных собраний²; аналогичные постановления издавались и в других департаментах. Таким образом мы считаем себя вправе утверждать, что «новая» буржуазия и ее политические представители делали все, что было в их силах, чтобы добиться успеха «декадного культа». Каковы же были результаты этих многочисленных и упорных усилий?

Первое, что следует сказать, отвечая на этот вопрос, это то, что, как этого и следовало, конечно, ожидать, создание «декадного культа» встретило самое ожесточенное сопротивление со стороны католического духовенства, причем в организации этого сопротивления «конституционное» духовенство нисколько не отставало от духовенства неприсяжного. «Собравшиеся в Париже епископы, — рассказывает в своих мемуарах епископ Грегуар, — ничего не упустили для борьбы с этим страшным святотатством (т. е. декадным культом. Я. М.). Первым делом в этом отношении было разъяснить вопрос священникам и верующим; вторым делом — организовать их сопротивление. В силу этого я составил два послания, в которых доказывал, что так как воскресенье является созданием апостолов, перенесение его было бы равносильным преступлению. Поэтому я от имени епископов заявлял о нашем твердом решении противиться такому перенесению. Я писал, что мы заранее учтываем все связанные с нашим решением опасности, как-то — голод, ссылки и даже смерть, но что наши головы склонятся лишь под топором палача. Эти послания, подписанные нами и распространенные по всем епархиям, получили одобрение всех подлинных пастырей и послужили руководством для их поведения»³.

Наряду с сопротивлением духовенства «декадному культу» пришлось точно так же натолкнуться и на саботаж чиновников. Типичной иллюстрацией в этом отношении может послужить следующий отрывок из уже цитированного нами отчета комиссара Директории при департаменте Сены:

«Нельзя скрыть от себя, что республиканские праздники все еще не достигли полного успеха. Основной и, может быть, единственной причиной этого является то, что должностные лица лишь в очень незначительной степени заботятся об успехе этих праздников... Следовало бы, чтобы все должностные и оплачиваемые государством лица проявили больше интереса к устройству гражданских праздников и чтобы они были обязаны участвовать в них вме-

сте со своими женами и детьми. Если это будет достигнуто, то и народ станет принимать в них участие»⁴.

В этом последнем утверждении почтенный администратор несомненно ошибался. Если пышные и торжественные «гражданские праздники» и привлекали порой довольно значительное количества зевак и любопытных, то этого никак нельзя сказать про декадные собрания. Основной причиной этого была царившая на этих собраниях невероятная скука. «Опыт показывает, — читаем мы в отчете о состоянии департамента Сены в течение вандемьера VII года, представленном министру внутренних дел комиссаром Директории при этом департаменте, — насколько правильным было постановление о том, чтобы браки регистрировались только во время декадных собраний. В те декады, когда нет свадеб, храмы бывают совершенно пустыми. Нужно признать, что до настоящего времени свадьбы являются единственным притягательным элементом наших декадных праздников. Для того чтобы народ их посещал, нужно, чтобы он находил их интересными, а между тем, чтение законов и вяло составленного «бюллетеня» ни в коем случае не может представить какого бы то ни было интереса. Что касается до сельскохозяйственных статей, то, будучи интересными для жителей деревень, они лишь весьма мало интересуют горожан. Возможно, что намечаемое министром в его циркуляре к центральным школам устройство во время декадных собраний физических опытов спасло бы положение»⁵.

При таком положении вещей совершенно неудивительно, что празднование декади не могло увлечь мало-мальски значительные круги населения. Подогреваемые католическим духовенством широкие народные массы не только в деревнях, но даже и в самом Париже игнорировали декади и продолжали праздновать традиционное воскресенье. Такова картина, рисуемая нам целым рядом полицейских донесений; приведем для примера некоторые из них.

«Значительное число торговцев, — читаем мы в рапорте 18 фло-реяля VI года (6 мая 1798 г.), — повидимому весьма мало расположены к декадной системе и твердо борются с новым календарем. Закрытие лавок в дни, совпадающие с воскресеньями греко-римского календаря, все еще оскорбляет взор в целом ряде мест».

Если отмеченная картина имела место до издания законов 17 термидора и 23 фрюктидора, то и после их опубликования положение вещей изменилось весьма мало. Уже в отчете парижской полиции за время с 21 по 30 термидора указывается, что за один только день 30 термидора было констатировано 66 случаев нарушений предписаний закона 17 числа, а ведь надо думать, что запротоколированы были далеко не все подобные случаи. А в отчете о состоянии департамента Сены за жерминаль VII года, представленном министру внутренних дел комиссаром Директории при этом департа-

¹ «Монитор», т. XXIX, стр. 612.

² «Paris pendant la réaction thermidorienne», т. V, стр. 299—304.

³ «Mémoires de Grègoire», т. II, стр. 77—78.

⁴ «Paris pendant la réaction thermidorienne», т. IV, стр. 735.

⁵ Там же, т. V, стр. 167.

менте, констатируется, что «в сельских кантонах, где нет священников, воскресенья не признаются, а декады празднуются; зато в тех кантонах, где имеется хотя бы один священник, воскресенья находятся в почете, а декады соблюдаются лишь с глубоким отвращением»¹.

Не менее красочен аналогичный отчет за флореаль, начинающийся за здравие и кончающийся за упокой. «Республиканский календарь соблюдается в общем достаточно хорошо. Лавки неуклонно закрываются в дни декады и национальных праздников и в большинстве случаев открываются в остальные дни декады. Однако соблюдение рыночных дней иногда нарушается: сельские жители не желают забывать дней, известных под названием пятниц, и продолжают привозить в эти дни свои припасы, хотя они и знают, что это запрещается существующими постановлениями. Впрочем, налагаемые на многих из них штрафы производят удачный эффект. Так, по крайней мере, обстоит дело в Париже; что же касается кантона, то создается впечатление, что здесь священники возобновляют свои интриги. В частности три кантона становятся особенно фанатичными. В этих кантонах и без печатных календарей хорошо знают дни воскресений или других больших праздников старого стиля. В эти дни работа прекращается, и дома украшаются по-праздничному. Наоборот, в дни декады все те, кто пытается отдохнуть, подвергаются насмешкам. Причинами этого беспорядка являются служители культов»².

Если принять во внимание в значительной степени характерную для этого документа струю казенного оптимизма, то мы можем с полным основанием констатировать, что попытка противопоставления традиционному католицизму нового декадного культа потерпела почти полную неудачу. Само собой разумеется, что правительство Директории не останавливалось перед всеми доступными ему способами насаждения декретированного им декадного культа, но если задача насильтственного искоронения католицизма оказалась не по плечу даже могущественному аппарату якобинской диктатуры, то что можно было ожидать от слабого и бессильного аппарата Директории? Вот почему, невзирая на все скорпионы, сыпавшиеся на головы нарушителей законов 17 термидора и 23 фрюктидора, законы эти не достигли своей цели, и католический культ не только не приходил в упадок, но и, напротив того, торжествовал почти полную победу. Подобно всем своим предшественникам, правительство Директории оказалось бессильным побороть гидру католицизма, и Консульство, открыто капитулировав перед ним, не совершило тем самым какого-либо новшества, а только признало давно уже существовавший в действительности факт.

¹ «Paris pendant la réaction thermidorienne», стр. 479.

² Там же, стр. 523—524.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

I.

Переворот 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 г.), положивший начало военной диктатуре Наполеона Бонапарта, как известно, вместе с тем в значительной степени¹ означал поражение «новой», спекулятивной, ростовицкой и в значительной мере жульнической буржуазии и победу той прослойки этого класса, которая выставила своим знаменем необходимость возвращения к «нормальным», солидным методам капиталистического накопления. Поскольку же, как мы знаем, «старая» буржуазия была настроена по отношению к католицизму несравненно более примирительно, чем буржуазия «новая», мы уже a priori имеем все основания ожидать, что переворот 18 брюмера должен был значительно улучшить положение католической церкви. Так оно в действительности и случилось.

Однако было бы глубоко неправильно предполагать, что эта перемена в отношении правительства Французской Республики к католическому культу и его служителям произошла сразу и прямолинейно. По известному замечанию В. И. Ленина «основной исторический признак бонапартизма — лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга»².

Поэтому вполне понятно, что, опираясь прежде всего на «старую» буржуазию и отчасти на верхушку крестьянства, Консульство вместе с тем не хотело рвать не только с «новой» крупной буржуазией, но и с буржуазией мелкой, и в силу этого в своей как общей, так в частности и религиозной политике пыталось придерживаться некоей «средней линии». Вот почему не приходится удивляться, что в первые дни Консульства мы встречаем со стороны правительственные органов того времени ряд руководящих ука-

¹ Мы говорим «в значительной степени» потому, что та часть «новой» буржуазии, которая, хотя и возникла на основе ажиотажа и спекуляции, но в своей позднейшей практике почувствовала потребность перехода к «солидным» методам капиталистического накопления, также поддержала переворот 18 брюмера, как и буржуазия «старая».

² В. И. Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 53.

заний по религиозному вопросу, почти ничем не отличающихся от религиозной политики Директории в последние дни ее существования.

Приведем несколько примеров. 30 брюмера VIII года, т. е. через двенадцать дней после переворота, новый министр внутренних дел — знаменитый ученый Лаплас — писал департаментским властям:

«Не упускайте ни одного случая доказать вашим согражданам, что суеверие так же мало может радоваться произошедшей политической перемене, как и роялизм. Вы оправдываете доверие правительства лишь в том случае, если будете с самой неуклонной точностью исполнять законы, которыми установлены национальные праздники и празднование декады, республиканский календарь, новая система меры и веса и т. д.»¹.

Не следует думать, что подобным образом держался один только атеистически настроенный Лаплас. Так Лекутеле, председатель департаментской администрации, около этого же времени говорил, что «французы никогда не согласятся подпасть под позорное игро дворянского и священнического деспотизма»².

А Фуше, некогда террорист и дехристианизатор, а теперь министр полиции, уже давно нащупывавший возможность примирения с эмигрантами и попами, в своем циркуляре департаментским властям от 6 фримера писал:

«Пусть фанатики не надеются, что им удастся доставить преобладание нетерпимому культу; правительство будет одинаково охранять все культуры, не давая ни одному из них предпочтения».

В таком же точно духе высказывался Фуше и в своем циркуляре 26 прериала префектам:

«Пусть храмы всех вероисповеданий будут открыты, пусть совесть будет свободна и пусть все культуры пользуются одинаковым уважением; но пусть их алтари мирно стоят рядом с алтарями отечества и пусть первая из общественных добродетелей — любовь к порядку — играет преобладающую роль во всех церемониях, внушает все речи и руководит всеми умами».

И, наконец, в циркуляре, адресованном им 26 фримера конституционным епископам, Фуше открыто предостерегал их от каких бы то ни было контрреволюционных махинаций. «Знайте, — писал он, — что напрасно было бы говорить одним языком в проповедях, которые слышатся всеми, и другим языком на исповедях, которые остаются тайными; тайна ваших внушений в этом трибунале, где вы располагаете сердцами людей, будет обнаружена настроением тех людей, которыми вы руководите и сердца которых вы формируете»³.

¹ О лар, «Политическая история Французской Революции», стр. 497.

² Де-ла-Горс, т. V, стр. 12.

³ О лар, цит. соч., стр. 497.

Но если таким образом высшие должностные лица нового правительства на первых порах его существования открыто подчеркивали свое намерение бороться с контрреволюционными поползновениями католического духовенства, то вместе с тем совершенно очевидно, что это правительство, как правительство в первую очередь «старой» буржуазии, не могло уже очень скоро не вступить на путь постепенного смягчения положения католической церкви. Первым шагом в этом направлении было постановление 8 фримера.

«По докладу министра общей полиции, — читаем мы в протоколе заседания консультов от этого числа, — консулы аннулируют как индивидуальные, так и коллективные постановления Исполнительной Директории, принятые в осуществление ст. 24 закона 19 фрютидора V года и относящиеся к священникам, принесшим все установленные законом присяги и не отрекшимся от таковых, а равно и к священникам, вступившим в брак или отказавшимся от своего сана»¹.

Если постановление 8 фримера имело в виду только сосланных или арестованных Директорией присяжных священников, а равно и священников, вступивших в брак или отрекшихся от своего сана, то несравненно дальше этого шли три постановления, изданные консулами 7 нивоза. Первое из них предписывало представление всех еще не отчужденных церквей в распоряжение «граждан тех коммун, которым они принадлежали в первый день II года»; второе постановление аннулировало изданные некоторыми местными властями распоряжения, разрешавшие открытие церквей только по декади². Что же касается до третьего постановления 7 нивоза, то оно гласило ниже следующее:

«Консулы Республики, согласно мотивированному мнению Государственного Совета и принимая во внимание, что французский народ принял конституцию VIII года, — постановляют:

«Все должностные лица, служители культов, преподаватели и прочие лица, обязанные в силу предшествовавших конституции законов приносить какие-либо присяги или декларации, будут считаться выполнившими это требование, если произнесут следующую формулу:

«Я обещаю быть верным конституции»³.

Для того чтобы устранить у католического духовенства какие-либо сомнения относительно значения этой формулы, вскоре после издания постановления 7 нивоза (постановление это получило силу закона 21 числа того же месяца, когда оно было утверждено трибунатом и законодательным корпусом) в правительственной газете «Монитор» была помещена статья, доказывавшая, что новая присяга имеет исключительно только гражданский, но ни в коем случае нерелигиозный характер. «Более того, присяга

¹ A u l a r d, «Régistre des délibérations du Consulat provisoire», стр. 57.

² О лар, «Политическая история», стр. 498.

³ Б юше и Ру, т. XXXVIII, стр. 326.

эта,— писал «Монитор»,— даже не предписывает приносящим ее лицам поддерживать конституцию, а требует от них только, чтобы они ей не сопротивлялись»¹.

Постановление 7 нивоза о присяге оставляло открытым вопрос, допускаются ли к ее принесению бывшие неприсяжные священники. После некоторых колебаний по этому вопросу правительство издало по этому поводу постановление, разрешавшее вопрос в положительном смысле². Таким образом неприсяжные священники, подчинившиеся постановлению 7 нивоза, тем самым получали амнистию за все свои прошлые деяния, и уже одно это достаточно ярко подчеркивает то направление, в котором пришедшее 18 брюмера к власти правительство намеревалось разрешать в будущем религиозный вопрос.

Совершенно такой же характер, что и постановление 7 нивоза, носило принятное консулами уже на следующий день, т. с. «Предшествующие правительства, — говорилось между прочим в этом обращении, — создали и применяли несправедливые законы; спокойствие граждан и свобода совести были нарушены различными произвольными действиями. Ничем не мотивированное внесение в списки эмигрантов было по гражданам, никогда не покидавшим не только своего отечества, но даже и своего дома; наконец, были нарушены величайшие принципы общественного правопорядка.

«Для исправления этих несправедливостей и ошибок создалось и признано нацией новое правительство, покоящееся на священных основаниях свободы, равенства и представительной системы. Твердым намерением... руководящих этим правительством лиц является залечить все кровоточащие раны Франции, и это намерение нашло уже себе подтверждение во всех принятых ими мерах. Так, уже отменены несчастный закон о принудительном займе и еще более несчастный закон о заложниках; сосланные без всякого суда люди возвращены их отечеству и их семьям. Каждый день отмечается и будет и дальше отмечаться все новыми и новыми актами справедливости...

«Консулы заявляют, что свобода культов гарантирована конституцией; ни одно должностное лицо не вправе на нее посягнуть; ни один человек не вправе заявить другому: «Ты будешь отправлять такой-то культ и будешь отправлять его в такие-то дни». Закон 11 прериала III года, предоставляемый гражданам пользование зданиями, посвященными религиозному культу, будет исполняться...

«... Если, невзирая на все принятые правительством меры, найдутся все же люди, которые посмеют призывать к гражданской войне, первым магистратам страны (т. е. консулам. Я. М.). не останется ничего иного, как взяться за исполнение печального, но необходимого долга: добиваться их подчинения силой.

¹ Бюше и Ру, т. XXXVIII, стр. 326—327.
² Делла-Горс, т. V, стр. 18.

«Но нет, этого не случится! Отныне все будут знать только одно чувство, а именно любовь к отечеству. Служители бога мира будут первыми провозвестниками примирения и общего согласия. Пусть же они заговорят тем языком, пример которого подал им их учитель; пусть они отправятся во вновь открывающиеся для них храмы и там, вместе со своими согражданами, принесут жертвы, которые искусят вызванные войной кровь и преступления!»¹.

Само собой разумеется, что более чем примирительная позиция, занятая новым правительством в отношении католицизма, не могла не оказать самого заметного влияния на положение различных религиозных культов, и первым следствием ее явилась ликвидация теофилантропии и «декадного культа». Мы видели выше, что уже к концу эпохи Директории теофилантропы лишились того покровительства со стороны правительства, которым они пользовались вначале; теперь же, в эпоху Консульства, правительство с самого начала не только не помогает теофилантропам, но и в их борьбе с католиками придерживается благожелательного в отношении этих последних нейтралитета. Поэтому неудивительно, что консульские власти даже в самом Париже не принимают ровно никаких мер, чтобы защитить теофилантропический культ от провоцированных попами враждебных манифестаций и даже насильтвенных действий. Так, в полицейском рапорте от 22 нивоза IX года мы читаем:

«Секта теофилантропов с самого своего возникновения привыкла устраивать в церквях свои собрания и отправлять там свой специфический культ, разрешенный правительством так же, как и все остальные культуры. Но сторонники католической религии с того самого момента, как они получили свободу деятельности, почувствовали непреодолимое желание уничтожить эту новую секту. В минувшее декады агенты фанатизма наняли для осуществления своего проекта 50 детей. Эти дети направились в церковь Сен-Жерве, переломали там все предметы, связанные с отправлением теофилантропического культа, вынесли обломки на улицу и сожгли их под возгласы: «Долой якобинцев!»².

Однако события, вроде только что описанного, составляли еще только цветочки, а ягодки были впереди. После целого ряда преследований теофилантропов, консульское правительство осенью 1801 года решило окончательно ликвидировать их культ и с этой целью постановлением 12 вандемьера X года (4 октября 1801 года) теофилантропы были лишены права пользоваться для отправления своего культа национальными зданиями. Когда же они попросили разрешения нанять частные здания, то ходатайство это даже не удостоилось ответа³.

Немногим лучше, чем положение теофилантропии, было в эпоху Консульства и положение «декадного культа». Первый

¹ Бюше и Ру, т. XXXVIII, стр. 324—326.

² Олар, цит. соч., стр. 499.

³ Brousse et Tugot, «Consulat et Empire», стр. 68—70.

удар этому культу был нанесен постановлением 3 нивоза VIII года; вот что мы читаем по этому поводу в протоколе заседания консулов от указанного числа:

«Министр внутренних дел обращает внимание консулов на существование национальных праздников. Он указывает, что среди установленных в настоящее время праздников, имеются такие, которые пробуждают воспоминания, могущие посеять раздоры в среде друзей Республики. Единственные праздники, которые, по его мнению, должны быть сохранены, это праздники 14 июля и 1 вандемьера. В силу этого он предлагает консулам отправить законодательным комиссиям¹ послание, имеющее целью предложить им отменить все национальные праздники, кроме тех двух, которые посвящены воспоминанию о днях торжества свободы и установления Республики.

«Консулы соглашаются с мнением министра и одобряют представленную им редакцию послания»².

Если постановление 3 нивоза было направлено против гражданских праздников, то еще более серьезный удар два изданные 7 термидора того же года постановления нанесли празднованию декади. Мы видели выше, что еще до переворота 18 брюмера празднование декади влакло самое жалкое существование, причем все наблюдатели единогласно констатировали, что единственным притягательным для населения моментом декадных собраний являлась регистрация браков. И вот этот-то момент и был как раз уничтожен одним из постановлений 7 термидора, допустившим регистрацию браков и в иные дни, кроме декади. Правда, объявления о браках согласно постановлению 7 термидора должны были обязательно совершаться во время декадных собраний, но само собой разумеется, что объявления эти не могли представить для любопытных зевак того интереса, который они находили ранее в этих собраниях.

Второе постановление 7 термидора VIII года было еще существеннее. Сохраняя в силе обязанность местных властей определять сроки ярмарок и базаров датами революционного календаря, постановление это, однако, вместе с тем гласило, что празднование декади будет отныне обязательным только «для установленных властей, общественных и должностных лиц и служащих, получающих жалованье от правительства»³. Тем самым был нанесен смертельный удар всему «декадному культу» и хотя формально до заключения конкордата культ этот отменен не был, однако само собой разумеется, что существование его после постановления 7 термидора могло носить только крайне жалкий характер.

Значительно более благоприятным было накануне заключения конкордата положение «конституционной» церкви. Сильно

обозленная на Директорию за те преследования, которым та ее подвергала в связи с вопросом о соблюдении «декадного культа», «конституционная» церковь по вполне очевидным основаниям приветствовала переворот 18 брюмера. Вполне понятно, что такая позиция этой церкви не могла не оказать влияния на ее положение. «С того момента, как произошла революция 18 брюмера, — писал в это время епископ Грегуар, — духовенство смогло спокойно дышать»¹. Летом 1801 года правительство разрешило «конституционной» церкви созыв второго церковного собора, а Наполеон Бонапарт имел даже несколько свиданий с Грегуаром и советовался с ним по целому ряду вопросов.

Однако, невзирая на эти хорошие отношения с правительством, дела «конституционного» культа все же не поправлялись. Основная причина бедствий этого культа при режиме отделения церкви от государства — отсутствие связи с массами — оставалась полностью неустранимой и поэтому было вполне естественно, что присяжная церковь и в это время с каждым днем все острее и острее чувствовала недостаток в материальных и в частности в денежных средствах. Поэтому было вполне логичным, что церковный собор 1801 года снова предложил неприсяжному духовенству ликвидировать церковный раскол и слиться в единое целое, но предложение это встретило такое же презрительное молчание, как и в 1797 году.

Непримиримое отношение неприсяжной церкви к ее неудачливому конкуренту не было, само собой разумеется, случайным. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники сходятся на признании того факта, что положение неприсяжного культа после 18 брюмера с каждым днем укреплялось еще более, чем в эпоху Директории. В IX году Республики, из пятнадцати открытых для стравления культа в Париже церквей, десять находились в распоряжении неприсяжного духовенства; в провинции соответствующая пропорция была еще более выгодной для «папистов». И хотя далеко не все неприсяжные церковники принесли требовавшуюся от них постановлением 7 нивоза присягу, правительство почти не преследовало неподчинившихся. Более того, ряд местных властей предоставил церкви в распоряжение неприсяжных церковников, либо хотя и принесших присягу, но не в тех выражениях, которые требовало от них постановление 7 нивоза, либо сопроводивших ее различными, иногда довольно существенными оговорками. При таком положении вещей, само собой разумеется, что неприсяжные священники не имели ровно никаких оснований итти на соглашение со своими противниками, и даже те из них, которые присягнули согласно постановлению 7 нивоза, презрительно именовали членов «конституционного» духовенства отступниками, еретиками и тому подобными мало лестными эпитетами. Наблюдавшая происходившее с каждым днем улучшение их положения, неприсяжные

¹ Комиссии эти после переворота 18 брюмера заменили разогнанные Советы пятисот и старейшин.

² «Régistre des délibérations du Consulat provisoire», стр. 105—106.

³ Олар, цит. соч., стр. 498.

¹ Там же, стр. 499.

церковники естественно не только не думали о капитуляции, но, напротив того, торжествовали победу и готовились к скорому восстановлению связи с Римом. Мы сейчас увидим, что прогноз их оказался правильным.

II

Каковы были предпосылки заключения конкордата, подписанного 26 мессидора IX года (15 июля 1801 г.) представителями Французской Республики и делегатами римского папы?

За две недели до подписания конкордата, 2 июля 1801 года, кардинал Консальви, возглавлявший римскую делегацию в Париже, писал папе Пию VII:

«Борьба против соглашения с Римом достигла здесь совершенно неслыханных размеров. Все судебные учреждения, все философы и свободомыслящие, наконец даже значительная часть армии являются противниками этого соглашения. Они в лицо заявили Первому консулу, что если он хочет уничтожить Республику и восстановить монархию, то соглашение с Римом является вернейшим к тому способом. Первый консул в отчаянии; в конце-концов, он единственный, который хочет этого соглашения»¹.

Маститый кардинал в своем стремлении поскорее добиться восстановления влияния римского престола на «старшую doch церкви» несомненно преувеличивал: если бы Бонапарт был единственным человеком во Франции, стремившимся к заключению конкордата, то из такового, конечно, ровно ничего не получилось бы. Как враждебно ни относились ко вся кому сближению с Римом французская интелигенция («философы и свободомыслящие»), мелкая буржуазия и «новая» крупная буржуазия,—наряду с ними не только существовала, но и занимала господствующее положение прослойка, смотревшая совершенно иными глазами на то дело восстановления во Франции римского католицизма, чемпионом которого объявил себя в это время Первый консул. Этой прослойкой была «старая» буржуазия и мотивы ее стремлений были с исчерпывающей полнотой и откровенностью изложены в его беседах с приближенными не ком иным, как самим Наполеоном.

Действительно, в одной из своих бесед с Пелэ (из департамента Лозеры) Наполеон ему заявил: «Что касается меня, то я вижу в религии не тайну воплощения, а тайну социального порядка; она связывает идею равенства с небом, что мешает бедняку убивать богатого». А в разговоре Наполеона с Редерером та же самая мысль была изложена еще более красочно: «Общество не может существовать без неравенства богатств, а неравенство богатств не может существовать без религии. Когда человек умирает с голоду рядом с другим, у которого всего в изобилии, ему невозможно было бы примириться с таким неравенством, если бы не было власти, которая говорит ему: так угодно Богу; необходимо, чтобы

на свете существовали богатые и бедные; но после и на вечные времена раздел совершился иначе»¹.

Само собой разумеется, что этой задаче защиты классовых интересов только что пришедшей к власти буржуазии религия могла служить тем лучше, чем болееочно и совершенно она была организована, а такой наиболее прочной и организованной религией была, без всякого сомнения, религия римско-католическая. Но вместе с тем, как известно, религия эта в конце XVIII века была верной слугой старого феодального общества; каким же образом могла она защищать классовые интересы только что разрушившего это самое общество и пришедшего к власти пока что в одной только Франции нового класса—буржуазии?

Мы видели в свое время, что основной задачей, которую ставила себе в начале Великой Французской Революции крупная буржуазия в области религиозного вопроса, было превращение католицизма из слуги феодального общества в слугу общества буржуазного. Однако упорное сопротивление всем предпринятым с этой целью реформам со стороны как римского престола, так и самого французского духовенства, заставило французскую буржуазию против своей воли пойти на разрыв с Римом. Теперь, в эпоху Консульства, когда власть была снова в руках «старой» буржуазии, перед этим классом опять стояла прежняя, ранее нерешенная, задача: приспособить католицизм к роли такого же верного защитника нового буржуазного общества, каким он ранее являлся в отношении старого общества — феодального.

Для того чтобы понять, в силу каких причин французской крупной буржуазии удалось достигнуть в 1801 г. того, что в 1790—1791 гг. оказалось недостижимым, нужно обратиться ко второму контрагенту намечавшейся сделки и рассмотреть в каком положении находилась в это время папская власть. И первое, что следует отметить, отвечая на этот вопрос, это то, что положение римского престола в 1801 г. лишь в весьма слабой степени напоминало его положение в 1790—1791 гг. Достаточно сказать, что в результате победы французского оружия в Италии, в Риме на месте прежней «папской области» в 1797 г. образовалась республика, а папа Пий VI был увезен французами сначала в Тоскану, а затем в Францию, где он и умер в конце 1799 г. Правда, после победы Суворова в Италии, Римская республика была ликвидирована, но битва при Маренго (14 июня 1800 г.) снова открыла французам дорогу к Риму, и поэтому вполне понятно, что новый папа Пий VII был теперь несравненно более готов к компромиссу с французской буржуазией, нежели его предшественник в 1790—1791 гг. Таким образом к 1800—1801 гг. обе стороны были готовы к соглашению, и при этих условиях вполне понятно, что оно не могло не состояться.

¹ Олар, цит. соч., стр. 502—503.

Однако начавшиеся осенью 1800 г. переговоры между французским правительством и Ватиканом почти сразу же приняли затяжной характер. Те уступки, которые с целью обуржуазивания католической церкви требовали от папских уполномоченных представители французского правительства, слишком сильно претили «свости» Пия VII, чтобы он мог с легким сердцем на них согласиться. К этому присоединялось еще и то обстоятельство, что в конце 1800 г. римский папа не был еще вполне уверен в победе французского оружия над коалицией и поэтому предпочитал выждать. Однако победа армий Моро при Гогенлиндене внесла значительную ясность в положение, а предъявленный Наполеоном 29 флуорея IX года ультиматум окончательно уничтожил колебания «святейшего отца» и заставил его пойти на уступки. 26 месидора IX года (15 июля 1801 г.) конкордат был подписан; вот его текст:

«Правительство Республики признает, что католическая, апостолическая и римская религия является религией значительного большинства французских граждан.

«Его святейшество признает, что эта религия получила и надеется получить величайшее благо и блеск от установления католического культа во Франции и особенной веры в него консулов Республики.

«В силу этого согласно обоюдным признаниям и как для блага религии, так и для сохранения внутреннего спокойствия устанавливается нижеупомянутое:

«Ст. 1. Католическая, апостолическая и римская религия получает во Франции право свободного отправления. Ее кульп будет публичным, но будет вместе с тем подчиняться тем полицейским правилам, которые правительство признает необходимыми для общественного спокойствия.

«Ст. 2. Святейший престол совместно с правительством составит новое расписание французских епархий.

«Ст. 3. Его святейшество объявляет французским епископам, что оно с твердой уверенностью ожидает от них, ради мира и единства, всех возможных жертв, не исключая и жертвы их должностями.

«После этого призыва, если они откажутся от этой требуемой благом церкви жертвы (чего его святейшество не ожидает), для замещения епископских должностей будет принят следующий порядок:

«Ст. 4. В течение трех месяцев по опубликовании буллы его святейшества Первый консул Республики заместит установленные новым расписанием должности архиепископов и епископов. Его святейшество даст назначенным лицам каноническую институцию согласно тем правилам, которые действовали для Франции при старом правительстве.

«Ст. 5. Назначение на имеющиеся освободившиеся в будущем должности епископов будет точно так же производиться Первым

консулом. Каноническая институция будет даваться святейшим престолом в согласии с предписаниями предыдущей статьи.

«Ст. 6. Епископы перед вступлением в должность принесут Первому конснулу присягу на верность, применявшуюся при старом правительстве. Формула этой присяги нижеупомянутая:

«Святыми евангелиями клянусь и обещаю богу сохранять послушание и верность правительству, установленному конституцией Французской республики. Я обещаю также не иметь никаких связей, не присутствовать ни на каких собраниях, не участвовать ни в каких организациях как внутренних, так и внешних, направленных против общественного спокойствия. Если я узнаю, что в моей епархии или вне ее затевается что-либо, направленное к вреду государства, я сообщу об этом правительству».

«Ст. 7. Низшие церковники принесут аналогичную присягу уполномоченным на то правительством гражданским властям.

«Ст. 8. Во всех католических церквях Франции по окончании церковной службы будет произноситься следующая формула молитвы:

«Боже, храни Республику».

«Боже, храни консулов».

«Ст. 9. Епископы составят новые расписания приходов их епархий, которые вступят в силу лишь после утверждения их правительством.

«Ст. 10. Должности кюре будут замещаться епископами, но лишь из среды лиц, одобренных правительством.

«Ст. 11. Епископы смогут иметь при своих кафедральных храмах по капитулу, а при своих епархиях — по семинарии, но правительство не обязано содержать таковые.

«Ст. 12. Все неотчужденные и необходимые для культа метропольные, кафедральные, приходские и прочие церкви будут предоставлены в распоряжение епископов.

«Ст. 13. Его святейшество, ради сохранения мира и по случаю счастливого восстановления католической религии, заявляет, что ни оно, ни его преемники не станут каким бы то ни было образом нарушать спокойствия приобретателей отчужденных церковных имуществ. В силу этого право собственности на эти имущества и связанные с таковыми права и доходы останутся целиком за их приобретателями и их правопреемниками.

«Ст. 14. Правительство обеспечит подобающее содержание епископам и кюре, должности которых будут установлены новым расписанием.

«Ст. 15. Правительство примет меры, чтобы французские католики смогли, если они пожелают, делать дотации в пользу церквей.

«Ст. 16. Его святейшество признает за Первым консулом Республики те же самые права и прерогативы, коими пользовалось старое правительство.

«Ст. 17. Договаривающиеся стороны соглашаются, что в случае, если какой-либо из преемников Первого консула не будет католиком, означенные в предыдущей статье права и прерогативы, а равно и право замещения епископов, будут в отношении его регулированы новым соглашением» (курсив наш. Я. М.)¹.

Заключенный 26 мессидора конкордат (он был ратифицирован 23 фрюктидора, т. е. 10 сентября 1801 г.), подготовка которого все время держалась в строгой тайне, был обнародован не сразу, а лишь спустя семь месяцев после его заключения. Консультское правительство не могло не понимать, что если «старая» буржуазия будет без всякого сомнения приветствовать целиком отчевавшее ее программе соглашение с Римом, то отношение к нему «новой» крупной буржуазии, а также и буржуазии мелкой, будет совершенно иным. Поэтому перед тем, как передать конкордат на утверждение Трибуната и Законодательного корпуса, Наполеон заблаговременно произвел чистку обоих этих учреждений, и лишь благодаря этой предосторожности конкордат получил в жерминале X года силу закона.

Наряду с этой подготовкой законодательных учреждений другой необходимой предпосылкой введения конкордата в действие было отречение прежних епископов. Что касается бывших «конституционных» епископов, то мы знаем, что они уже давно стремились к соглашению с Римом и поэтому неудивительно, что все они, за исключением пришедшего в присяжную церковь из церкви старого режима Лафон де-Савина, подали в отставку. Иначе поступили епископы неприсяжные: из 81 епископа этой категории (большинство их все еще находилось в эмиграции) в отставку подали только 45, а остальные 36 отказались это сделать и заявили протест против требования папы². В их отношении вступила в силу ст. 4 конкордата, и единственным результатом их протesta было то, что эти почтенные прелаты продолжали оставаться в эмиграции и до самой смерти своей гордо называли себя епископами таких-то и таких-то, частично уже давно переставших существовать французских епархий. А после того как все они перемерились, оставшийся последним в живых бывший блуасский епископ монсеньор де-Темин еще в 1828 г. называл себя не больше и не меньше, как епископом всей Франции³, Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало!

Одновременно с опубликованием конкордата, 18 жерминаля X года были опубликованы и так называемые «органические статьи», долженствовавшие отныне определять положение католической и протестантской церквей во Франции. В общем, можно сказать, что статьи эти лишь разъясняли и конкретизировали отдельные постановления конкордата; однако наряду с этим были и такие, которые содержали важные предписания, должен-

ствовавшие еще больше усилить и так достаточно прочно установленную конкордатом зависимость французской церкви от правительства. Вот важнейшие из статей этого рода:

«Ст. 1. Никакие буллы, рескрипты, мандаты... или другие послания римского двора, не исключая и касающихся отдельных лиц, не смогут быть получены, опубликованы, напечатаны или исполнены во Франции без разрешения правительства.

«Ст. 2. Ни одно лицо, именующее себя нунцием, легатом, викарием, апостольским комиссаром или как-либо иначе, не сможет выполнять на французской территории или вне ее какие-либо функции, касающиеся галликанской церкви, иначе, как с разрешения правительства.

«Ст. 3. Декреты иностранных синодов, не исключая и общих соборов, не могут быть опубликованы во Франции до того, как правительство убедится, что их форма и содержание находятся в соответствии с законами, правами и вольностями Французской Республики и что их опубликование не может повредить общественному спокойствию.

«Ст. 4. Ни один национальный или метропольный собор, ни один приходский синод, ни одно церковное собрание не могут иметь места без специального разрешения правительства.

«Ст. 4. Ни один праздник, кроме воскресений, не может быть установлен без разрешения правительства»⁴.

Наряду с цитированными статьями, нельзя также не подчеркнуть тех пунктов «органических статей», которые закрепляли явившиеся результатом революции завоевания французской буржуазии и были направлены к предотвращению возможности превращения католического духовенства в особое сословие наподобие того, какое существовало при старом порядке. Вот важнейшие из статей этой категории:

«Ст. 43. Все церковники будут одеваться в черные костюмы французского образца. Сверх этого, епископы смогут носить пастырский крест и лиловые чулки.

«Ст. 45. В тех городах, где имеются храмы, посвященные различным культурам, ни одна католическая церковная церемония не сможет происходить вне зданий, посвященных католическому культу.

«Ст. 47. В кафедральных и приходских церквях будут установлены специальные места для католиков, занимающих гражданские и военные должности.

«Ст. 52. Кюре в своих инструкциях не могут позволять себе никаких прямых или косвенных нападений как на отдельных лиц, так и на другие разрешенные государством культуры.

«Ст. 53. Они не смогут делать в церкви никаких не относящихся к отправлению культа заявлений за исключением тех, которые разрешены правительством.

¹ Бюше и Ру, т. XXXVIII, стр. 465—470.

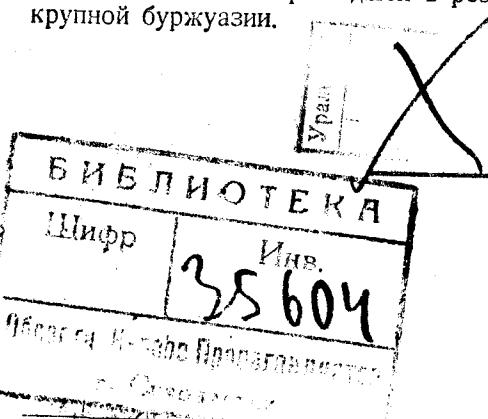
² Олар, цит. соч., стр. 505.

³ Там же, стр. 505.

«Ст. 54. Они будут давать церковное благословение только тем бракам, которые в установленном для того порядке заключены предварительно перед гражданским чиновником.

«Ст. 55. Так как ведущиеся служителями культов списки могут относиться только к совершению таинств, списки эти ни в коем случае не смогут заменить списков, предписанных законом для констатирования гражданского состояния французов»¹.

Произведенный нами анализ конкордата и сопутствовавших его опубликованию «органических статей» позволяет с несомненностью констатировать, что произведенная Наполеоном в 1801—1802 гг. церковная реформа целиком соответствовала той цели, которую крупная буржуазия ставила себе еще с первых лет революции, но которая вследствие известных нам причин не могла быть ранее достигнута. Как конкордат, так и дополнявшие его «органические статьи» полностью подчиняли реставрированную во Франции католическую церковь государству, а так как государство этого времени было государством буржуазным, то само собой разумеется, что и «галликанская» католическая церковь могла отныне быть во Франции не чем иным, как церковью буржуазной. Тем самым буржуазия получала в свои руки это столь давно желанное ей превосходное орудие морального обуздания утнетаемых ею классов и отныне к числу тех орудий подавления пролетариата, которыми и ранее располагала буржуазия (армия, полиция, суд и т. д.), присоединялась еще и католическая церковь. По известному замечанию Маркса, «господство попов в качестве правительенного орудия есть также наполеоновская идея»² и то, что именно Наполеону удалось, наконец, осуществить эту давнишнюю и заветную мечту французской буржуазии, еще раз подчеркивает то обстоятельство, до какой степени этот «диктатор» и «самодержец» был фактически не кем иным, как верным исполнителем воли пришедшей в результате революции к власти крупной буржуазии.

¹ Бюше и Ру, т. XXXVIII, стр. 475—476.

² «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Маркс и Энгельс, «Исторические работы», стр. 277.